

Виктор Коноплёв

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА КОНОПЛЕВА

Распахнута бездна, не видно конца,
Трагедия прошлого века,
Читаю расстрельное дело отца.
Как просто убить человека.

.....

Мечта революций, крутой поворот
Врагами народа объявлен народ.

Леонард Попов

Я никогда не видел своей бабушки. Власти расстреляли её за год до моего рождения. В семейном архиве обнаружил телеграммы и переписку бабушки с отцом во время его зимовок на м. Лескин. На основании воспоминаний её младшей сестры Нины и писем самой Лидии Васильевны я составил себе представление о её внутреннем мире. Несколько фотографий из семейного архива П.Г. Волкова позволили мне воссоздать её внешность в разные годы. На фото она с сыном Борисом в 1935 г.

Итак, в моем распоряжении было несколько строк о юной Лидии Васильевне из воспоминаний младшей сестры, короткие записки к сыну на Север. В начале 90-х годов из газет я узнал, что Лидия Васильевна подозревается историками в том, что именно она стреляла в Ленина. В музее им. Ленина я нашел небольшой стенд, посвященный моей бабушке. Его подготовила сотрудница музея Лариса Малашонок. Разыскал её, познакомился. Удалось достать несколько страничек из архива НКВД об аресте, допросах и расстреле Л.В. Коноплевой, а также заключение военной прокуратуры об её реабилитации. Там же было письмо её мужа Петра Георгиевича Волкова с просьбой рассмотреть дело Коноплевой, как человека абсолютно невиновного.

Удалось приобрести письмо и доклад бабушки Л.П. Серебрякову. Один из абзацев был посвящен Ф. Каплан.

Из интернета на меня высыпалась масса информации. В основном это были домыслы-вымыслы, предположения, догадки и версии, распространяемые людьми не столько учеными-историками, сколько (судя по тексту) любителями-журналистами с замашками желтой прессы. Причина, с моей точки зрения, в том, что подлинных документов не сохранилось (они были либо уничтожены,

либо же создавались противоборствующими группировками в Правительстве). Те же документы, которые имелись, готовили почву для самых разнообразных фантазий, наиболее ярких во времена разнузданного информационного цинизма. В имеющихся документах, особенно НКВДэшников, было много грубо «притянуто за уши». Однако, все по установленному мною порядку – генотип, воспитание, среда. Особенно среда!

Постараюсь воссоздать образ бабушки таким, каким он представился мне на основании всего прочитанного и услышанного от её дочери Галины Петровны.

Детство и юность Лидии Коноплевой прошли в прекрасной семейной обстановке, среди любви, интеллекта, уважения и материального достатка. Юная Лида любила читать писателей-классиков, посещала кружки прогрессивно настроенной молодежи - революционеров, сосланных в Архангельскую губернию (бабушка Нина говорила, что тогда революционеры от различных партий «были в одной куче» - встречались друг с другом и в жарких спорах пытались установить истину). Участвовала в этих спорах и Лида. Это привело к тому, что её отчислили из гимназии за отказ присутствовать на уроках закона Божия. Пришлось выпускные экзамены сдавать экстерном. За революционную деятельность была арестована, но учитывая юный возраст и заступничество отца – статского советника, была полицией отпущена. Характер имела самостоятельный, энергичный, была яростная сторонница справедливости. Из политических партий в большей степени симпатизировала анархистам (с 15-летнего возраста!).

Здесь считаю целесообразным привести копию архивной справки МВД СССР о «революционной деятельности» воспитанницы 8 класса Архангельской женской гимназии, дочери чиновника – статского советника В.С.Коноплева. Эта справка составлена на основании записки начальника С.-Петербургского охранного отделения от 29 апреля 1912 года по делу о Петербургской группе анархистов-коммунистов. Замешана тут и вторая сестра – Ольга. В апреле 1909 г. Лиде было 18 лет, а в апреле 1912 г. – 21 год (по делу анархистов- коммунистов):

К 0132249
МВД СССР

Секретно

Главное архивное управление

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ С
ССР

В г. Москве

№16/8 01390

31 июля 1956 г.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

По документальным материалам Центрального государственного исторического архива СССР проходит КОНОПЛЕВА Лидия Васильевна, год и место рождения не указаны, в 1909 году воспитанница 8 класса Архангельской женской гимназии, дочь чиновника – статского советника.

Из документов Департамента полиции видно, что КОНОПЛЕВА Л.В. входила в состав кружка учащейся молодежи, организованного в г. Архангельске гласподнадзорным эсером Ивановым. Кружок вел пропаганду среди учащихся с целью подготовки работников, полезных для партии социалистов-революционеров. Кружком выпускался гектографированный журнал «Юный ручей» революционного содержания.

29апреля 1909 года в городе Архангельске, при ликвидации указанного кружка, КОНОПЛЕВА была обыскана, арестована и привлечена к переписке при Архангельском ГЖУ по исследованию ее политической благонадежности.

Обыск оказался безрезультатным и КОНОПЛЕВА после допроса 5 мая 1909 года из под ареста была освобождена.

Окончание дела неизвестно.

Из записки начальника С.-Петербургского охранного отделения от 29 апреля 1912 года по делу Петербургской группе анархистов-коммунистов видно, что 14 апреля 1912 года в Архангельске в квартире Дес-Фонтейнос были задержаны, подвергнуты обыску и затем освобождены дочери статского советника – сестры Коноплевы Лидия и Ольга.

Обыском обнаружена переписка, альбом и тетрадь со стихотворениями революционного содержания, портреты революционеров.

Окончание дела неизвестно.

Других сведений не обнаружено.

ОСНОВАНИЕ: Д 7, 1864 – 1909 г.

00, 12, ч.57 – 1912 г.

МП	Начальник ЦГИА СССР	подпись	(Голубцов)
	Начальник 2 отдела		
	Капитан	подпись	(Лимонов)

Далее, тоже документальные данные НКВД, но уже 30-х годов

В «анкете арестованного» (НКВД, дело №11401) ею собственноручно написано:

п.12. Партийность в прошлом и настоящем: До 1917 г. анархистка (26 лет), 1918 г. - в партии социал-революционеров (группа «народ»), с февраля 1921 г. (30 лет) в ВКП (б), партбилет задержан РК ВКП(б) в феврале 1937 г., решение мне не объявлено.

п.15. Служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против

сов. власти (когда и в качестве кого): Военная организация п. с-р (1918 г.) привлекалась по процессу п. с-р. в 1922 г.

п.16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что): По процессу п. с-р в 1922г. (31 лет), приговорена к расстрелу, помилована ВЦИКом.

п.17. Состав семьи: муж-Волков Петр Георгиевич – начальник специнспекции Красногвардейского р-на г. Москвы; дочь – Галина, 11 лет (учится в школе), сын Борис Михайлович Коноплев – живет в Варсонофьевском пер., 7, кв. 2. Работает в Управлении полярн. авиации ГУСМП, сестра Ольга Васильевна Коноплева – Полянский пер. дом и кв не знаю, работает в Комитете по Высшей школе при СНК СССР (Охотн. ряд).

Далее я несколько нарушаю хронологию событий, поскольку хочу сперва представить ту информацию (имеющуюся у меня), которая исходит лично от самой Лидии Васильевны. Вот её письмо и доклад от 15-16 января 1922 г. к Л.П. Серебрякову (1888-1937) - партийному и государственному деятелю, члену и секретарю Президиума ВЦИК, секретарю ЦК РКП (б), позже также расстрелянному властями в январе 1937 г.

Дорогой, Леонид Петрович!

Предлагаемые заявление, доклад и пр. попрошу Вас передать в Ц.К. Р.К.П. Мне хочется немного поговорить с Вами, поделиться своими мыслями. Весь 1919 г. был годом ломки моего старого идеологического мировоззрения. И результат был тот, что и по взглядам своим, и по работе, фактически я сделалась коммунисткой, но организационное вхождение в Р.К.П. считала невозможным, благодаря своему прошлому. Еще будучи в п. с-р, и позже – в группе «народ», я считала, что долг наш – мой и Семенова, во имя справедливости открыть те страницы в истории п. с-р, скрытые от широких масс – Интернационалу, что Интернационал должен знать все темные, все скрытые страницы тактики партии в последнюю Революцию. Но как это сделать, я не знала. Вопрос этот, связанный с тяжелым личным состоянием, стал перед вхождением моим в Р.К.П. С одной стороны, я чувствовала, сознавала, что не имею морального права войти в партию, перед которой имею столько тяжелых грехов, не сказав ей о них; с другой стороны, считала, что открыть его, не указав фактического положения вещей, связи в прошлой работе в п. с-р, персонально ряда лиц, я не могла – слишком все было связано одно с другим. Это же считала неприемлемым со стороны моральной – попросту говоря, предательством старых товарищей по работе. Насколько было приемлемо для меня сообщение о прошлом Интернационалу – объективному судье, настолько неприемлемо Центральному Комитету или иному органу Р.К.П. Политическая партия не судья другой партии; они обе стороны заинтересованные, а не беспристрастные

судьи. Таково было мое убеждение. Перед вступлением в Р.К.П., я вам говорила не раз, что прошлое мешает войти.

Но я решила перешагнуть через прошлое и в партию вошла, имея на мысли дальнейшей работой хоть немного покрыть прошлое, свои ошибки и преступления перед Революцией. Приехав за границу, читая с-р. орган «Воля России», старое воскресло с новой силой. Эта травля русской революции, коммунистической партии, которую вели и ведут здесь с-ры, раздувая и крича об ошибках Р.К.П., стараясь восстановить против нас зап.-европейский пролетариат, крича об ужасах Ч.К. и красного террора – зародили мысль о необходимости во имя Революции и партии раскрыть перед пролетариатом и русским, и международным истинное лицо п.с-р, её тактику, её преступления перед Революцией.

И тут передо мной, в частности, встала тяжелая дилемма: с одной стороны – интересов Революции, с другой – определенное сознание о недопустимости с моральной точки зрения.

Я знаю, что всё, что в интересах Революции, – допустимо и оправдываемо. Интересы Революции – наша правда, наша мораль. И когда мы с Семеновым, перед отъездом его в Россию, обсуждали этот вопрос, то так решили оба – если интересы Революции требуют, то мы должны, обязаны сделать, хотя бы с точки зрения человеческой морали это было неприемлемо. Он поехал в Россию и должен был там выяснить обстановку (т.к. у нас была мысль, что, может быть, мы слишком односторонне смотрим, (сгущаем - зачеркнуто) преувеличиваем значение п. с-р, начитавшись «Воли России») и необходимость оглашения, и по возвращении его, мы, в зависимости от результатов поездки, выступаем совместно. Когда он вернулся, мы не имели возможности совместно выступить, т.к. находились по роду работы в разных местах, не имея возможности ни увидеться, ни списаться. Он подал заявление один, и позже, когда представилась возможность, уведомил меня.

Теперь я делаю то же самое, сознавая, что должна это сделать во имя Революции и в то же время сознаю, что с моей моралью, с моим внутренним «я» этот поступок несовместим. Как за террористическим актом должна последовать физическая смерть исполнителя, так за этим актом – моральная смерть. А может быть, смерть старой морали? Этого я еще не знаю. Всё может быть. Одно только знаю – во имя интересов Революции должно быть сделано всё.

Должна добавить вот еще что. Я задавала себе вопрос, старалась проверить себя – что может быть потому так тяжело, так мучительно подавать мне заявление ЦК, что у меня осталось что-то общее с с-рами, какая-то связь. На это ответила себе, отвечаю и Вам – нет. Ничего не осталось. Как они являются врагами Революции, врагами Р.К.П. – так они и мои враги. И сейчас в работе, с момента как мы находимся в противоположных лагерях, все методы борьбы допустимы.

Но когда я подхожу к вопросу о прежней работе, когда была идейно с ними заодно, пользовалась неограниченным доверием и использую тот период теперь для борьбы с ними – я определенно сознаю, что делаю поступок недостойный революционера.

Не знаю, правильно ли Вы поймете меня. Приведу пример: предположите на момент, что Вы, пробывший в Р.К.П. столько лет, перешли в какую-то иную партию Х. И, в интересах Революции, Вы должны были сделать то же, что делаем мы с Семеновым, т.е. раскрыть той Х партии что-то неизвестное о Р.К.П.

Я всё это говорю для того, чтобы указать, что есть какая-то грань, что-то такое в душе человеческой, переступая через которое человек болезненно мучительно ощущает, что он теряет что-то хорошее, светлое, что должно быть в каждом.

Тяжело и больно, но должно быть сделано для Революции, и Революции нет никакого дела до отдельных индивидуумов.

Дорогой, Леонид Петрович, не знаю, разберетесь ли Вы в моем писании. Просто хотелось поговорить с Вами, вспомнить наши товарищеские отношения. Я тут совсем одна. Путалась и разбиралась в этом вопросе и, откровенно говоря, совсем запуталась в морали.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы мне написали. Если податель этого письма поедет обратно, то напишите с ним; если нет, то пошлите письмо на Ник. Никол. Кр. С просьбой переслать Грише. А тот мне пошлет. Очень бы хотела получить от Вас весточку.

Напишите про себя, как живете, как здоровье, где работаете. Всего всего лучшего.

15.01.22 г. Лида.

P.S. И знаете, что мучит меня, – это мысль «хорошо, с-ры скажут – она предала своих прежних товарищей по партии, но где же гарантия, что она и вас не предаст». То, что скажут с-ры, неважно для меня – самый переход в Р.К.П. по их терминологии есть измена и предательство Революции. Но мнение товарищей по Р.К.П. для меня нужно. И тут стоит неразрешимый вопрос – принципиальный – допустимо ли с точки зрения революционной этики при переходе из одной партии в другую разоблачать тайны старой партии. И тут боюсь, и не могу выбиться из заколдованного круга. Если это делается во имя Революции, - то да, должно быть сделано, имеет свое оправдание – и морально и этично. И в то же время с сознанием, что ты обязан и должен это сделать во имя Революции, как революционер выступает просто человек, которому душевно, морально тяжело, а может быть и не под силу такой акт.

Все это я Вам пишу, как товарищу, мнение которого я ценю и уважаю, и как человек человеку. Еще раз повторяю, что у меня нет ни тени сомнения и колебания в том, что это я должна и обязана, внутренне обязана, сделать для Революции, но как совместить это с моралью и этикой – не знаю, не умею. И боюсь.

Простите за такое сумбурное письмо и напишите мне.

16.01.22 г.

Лида.

Во всяком случае уведоьте меня или Гришу о получении доклада и письма. Это обязательно сделайте.

-----oO-----

Читая и перечитывая это письмо, я восхищался той искренностью, той нравственной высотой, которой обладала Лидия Васильевна, перед вставшей во весь огромный рост этической проблемой выбора: высочайшая нравственность – с одной стороны, и преданность идеологии Революции – с другой. "Тяжело и больно, но должно быть сделано для Революции, и Революции нет никакого дела до отдельных индивидуумов" Жажда «справедливой жизни для всех» победила индивидуальные принципы этики поведения одного. Нелегкое решение человека, воспитанного в семье истинного интеллигента-преподавателя, человека чести и достоинства её отца – Василия Степановича Коноплева.

А вот и сам её доклад ЦК РКП. Я бы назвал его «доклад-исповедь».

Период с Октябрьской Революции до февраля 1918 г. я помню довольно смутно. Помню, что когда ясно стала ощущаться неизбежность разгона Учредительного Собрания, среди активных членов П.С-Р. возникла мысль вооруженной борьбы и защиты Уч. Соб. Создана была военная организация, в которой главную роль играли члены п.с-р., в частности Военная Комиссия при ЦК ПСР. Около этой организации объединились и нар.-социал., и сочувствующие с-рам и, насколько помню меньшевики, и все те, кто не имея определенной партийной окраски, стояли за У.С. Платформой было признание У.С. и лозунгом – борьба за него. Во главе этой организации стоял военный штаб, который вел работу концентрирования в Петербург всех желающих активно бороться за У.С. – особенно большие надежды возлагались на фронтовиков – работой и агитацией в расположенных в Петербурге воинских частях. С.-р. кроме того занялись организацией боевых рабочих дружин, которые, вооруженные револьверами и бомбами ручными, должны были идти во главе манифестаций за У.С. в день 5-го февраля. Стягивание в Петербург фронтовиков производилось под видом откомандирования в Солдатский Университет, который был организован специально с этой целью и помещался на курсах им. Лесгафта. Работа по приемке этих «студентов», снабжению их соответствующими документами, приемка от них оружия и гранат, лежала на

мне. По вечерам гранаты и капсюли переносились мною в помещение Военной Комиссии при Ц.К. Студентам этого Университета предоставлено было помещение в общежитии какой-то санитарной части в районе Царскосельского вокзала. По аресте их в общежитии, где у некоторых найдены были гранаты, и обыске на курсах Лесгафта – Солдатский Университет существовал уже только как учебное заведение.

Как велась работа в Петербургских воинских частях, я уже теперь не помню, т.к. непосредственного участия в ней не принимала. Знаю, что представители полков и других воинских частей составляли гарнизонное собрание, которое собиралось довольно часто.

После разгона У.С., когда военная организация оказалась бессильной ввиду колебательной позиции партии, которая считала нужным бороться вооружено, не брала на себя инициативы в борьбе (мнение Ц.К. и фракции У.С., что народные массы должны сами подняться, а партия может только оформить движение), работа военная не прекратилась, а усилилась.

На заседании Военной Комиссии при Ц.К. в начале января работа военная была разбита на несколько отделов: красноармейский, технический, боевой, литературный, иногородний и культурно-просветительский. Какие члены В.К. персонально входили в каждый отдел – не помню. Помню только, что в боевой отдел входил И. Кашин (каторжанин) и в литературный Борис Соколов и я.

Работа красноармейского отдела велась интенсивно, особенно с привлечением в нее Р.Р. Леппера; боевой отдел развил интенсивную деятельность к весне, когда во главе её стал Г. Семенов. Литературно-издательский отдел, выпустив несколько листовок к солдатам с призывом свержения большевиков, прекратил в феврале свое существование, за выездом Б. Соколова на Украину и уходом моим на работу террористическую.

После ратификации Брестского мира, который не принимала, считая, что Революционная Россия не может идти ни на какие договоры и соглашения с капиталистическими государствами, у меня появилась мысль о необходимости террора. Февральский съезд Советов, часть которого вначале была против принятия мира, показал насколько исключительно руководящую роль имели В.И. Ленин и Л.Б. Троцкий.

Придя к мысли о необходимости террора, я обратилась к представителю Ц.К. в Военной Комиссии при Ц.К. Борису Рабиновичу с предложением организовать дело о покушении на В.И. Ленина, беря на себя роль исполнительницы. Но для того, чтобы не подвести под удар п.с-р., предложила

это в виде акта индивидуального, для моральной поддержки просила мнения и санкции ответственных членов Ц.К. В то время в Петербурге было несколько членов Ц.К., остальные же члены Ц.К. и Бюро Ц.К. находились в Москве. Я виделась несколько раз с А.Р. Гоцем, жившим тогда в Петербурге, который был тогда ответственным членом Ц.К. в Петербурге. Он высказался положительно, но заявил, что такого большого по своим результатам дела, он на свою ответственность не может взять и должен запросить Бюро Ц.К. в Москве. С этой целью в Москву был послан Б.Н. Рабинович, который в случае согласия Бюро, должен был выяснить вопрос о руководителе боевой группы. Бюро Ц.К. дало согласие на акт индивидуальный. В качестве руководителя, за отказом от участия в этом деле Б.Н. Моисеенко, Бюро выделило одного из членов своих В.Н. Рихтера. По возвращению Рабиновича из Москвы, я, получив от него деньги для организации покушения (сумму теперь уже не помню), выехала вместе с П. Ефимовым в Москву. Ехали мы вдвоем, т.к. несмотря на мои и Рабиновича поиски людей для боевой группы,² мы никого не могли найти: одни кандидаты забракованы были, как не подходящие, другие, как Семенов, отказались. Я ехала в качестве исполнителя, Ефимов для слежки за В.И. Лениным и моим помощником. Приехав в марте в Москву в качестве ж.-д. служащих, мы поселились в районе Арбата (я жила под именем Анны Петровны Степановой).

К нашему приезду Рихтер должен был наладить всю техническую сторону дела, установить слежку и пр., так, чтобы к нашему приезду было все готово и сразу же можно было произвести террористический акт. Но в действительности им ничего не было сделано, как руководитель он оказался совершенно непригодный для боевой работы. Все дело организации и слежки легло на нас двоих; но ни я, ни Ефимов не имели абсолютно никаких связей в Москве, знали город очень плохо и фактически не могли в короткий срок поставить слежку более-менее сносно. Пробившись в М., недели две безрезультатно, я пришла к убеждению, что дело покушения надо ставить совершенно иначе, не надеясь ни на чью помощь, а поселившись в М. взять работу в каком-нибудь учреждении, завязать связи самой среди москвичей и, найдя удобный момент, – произвести покушение. По приезде в М. А.Р. Гоца работа наша была ликвидирована, причем я заявила Ц.К., что не отказываюсь от мысли о терроре, но буду дело это ставить совершенно самостоятельно, не входя в сношения по этому поводу с Ц.К. п.с-р.

Должна добавить, что покушение должно было быть произведено с помощью револьвера (испанский Браунинг) с отравленными ядом «кураре» пулями. Яд достал мне в М. Рихтер.

По ликвидации, я выехала временно в Петербург, где и задержалась до

середины июля. По дороге в П. (ехала через Вологду) свезла из Вологды в Петербург часть экспроприированных, в поезде между Вологдой и Вяткой группой Семенова, денег, предназначенных для Петербургской военной и боевой работы, и часть оружия боевиков. Большую часть экспроприированной суммы свез в Москву Семенов и сдал Ц.К. п.с-р.

По приезде в Петербург, Военная Комиссия при Ц.К., членом которой была, поручила мне организацию работы в Балтийском флоте. Работа велась мною на военных судах, стоявших на Неве, и в Кронштадте. На судах отыскивались матросы и офицеры с-р или сочувствующие, которые должны были вести там дело агитации и пропаганды и создавать свои ячейки. Цель была – восстание против большевиков. Была ячейка в несколько человек на «Андрее Первозванном», на «Республике» один человек, и еще на одном миноносце (забыла название), в Доке несколько рабочих. При таком наличии сил - мы умудрились поставить в Кронштадте несколько публичных лекций-митингов (при враждебном отношении матросской и рабочей массы и Кронштадского Совета) и провести в Совет одного с-р и двух сочувствующих, которые там существовали некоторое время во фракции с-р.

В Петербурге у нас была создана небольшая группа в 5 – 6 человек представителей судов, стоящих на Неве, главным образом с траллеров (названий сейчас не помню). Собрания представителей судов происходили в помещении Василеостровского районного К-та п. с-р. Они снабжались партийной литературой, листовками. Было устроено 1- 2 митингов для матросов. Вся эта работа, как и работа в красноармейских частях, велась в расчете на восстание. Отказ минной дивизии от разоружения являлся поводом к попытке восстания – таково было мнение части военных работников. Вопрос был поставлен на расширенном заседании Воен. Ком., где присутствовали Гоц, Лихач, Берг, Флеккель, Семенов, я, Ганджумов – комендант Обуховского района. Мы предлагали, соединив отказ от разоружения мин. дивизии с закрытием временно Обуховского завода и забастовками, использовать для захвата власти в Петербурге. Боевые рабочие организации были во всех районах, были военные силы как броневой дивизион. Но большинством, против голосов Семенова и моего, предложение было отвергнуто из соображений, что шансов на успех верных нет.

После разоружения минной дивизии, которому предшествовал разгром красноармейского отдела Воен. Ком. в мае (был арестован Р.Р. Леппер, полк. Постников и целый ряд ответственных работников), разоружения полков, находящихся под нашим влиянием, и безрезультатного призыва Собрания Уполномоченных к рабочим, вызвавшего только частичные забастовки, вместо всеобщей в Петербургском масштабе, – все это лишало конкретной почвы

дальнейшую военную работу. Не было сил, не было народных масс, на которых бы опиралась вся работа. Решено было ликвидировать в Петербурге военную работу, а всех работников, как военных, так и боевиков, за исключением Центрального Летучего Боевого Отряда, перекинуть на Север в Архангельск и на Восток – за Волгу, где к этому времени уже создались фронты.

Вернусь теперь немного назад. Боевая работа, организация боевых рабочих дружин во всех районах Петербурга начала вестись приблизительно с декабря 1917 г. Вначале это были организации специально для вооруженного выступления в случае разгона У.С., должны были представлять авангард народных масс, поднявшихся на защиту У.С., позже, по разгоне У.С., организации эти существовали и развивали свою работу с целью восстания против власти Советов. За период с января 1918 г. до июля этого же года общая численность боевиков по всем районам доходила до 70 – 80 чел.; кроме того, в каждом районе были кандидаты в боевики, менее активные элементы. Вначале работа боевых дружин заключалась в раздобывании оружия и гранат, выявлении военных сил большевиков в каждом районе, расположения их, агитации среди солдат и матросов. Позже к этой работе подготовительной присоединилась и действенная – экспроприации, а потом и террор. Руководство боевыми дружинами приблизительно в феврале передано было рабочему Кононову – старому боевику, но т.к. он проявил в своей работе мало дисциплинированности и много сепаратизма, Петербургским Бюро Ц.К. этот отдел был передан Блюменталю, а за его полной непригодностью к работе в этой области, в конце марта или начале апреля – Г. Семенову. Из всех районных дружин Семеновым была подобрана небольшая боевая центральная группа, которой была совершена в начале апреля миллионная экспроприация в поезде, позже группа эта, расширившись в своем составе, принялась и за работу террористическую. Так сорганизовался Центральный Летучий Боевой отряд п.с-р. Санкция партии на работу террористическую и производство эксков была. В период петербургский о работе группы и её планов знал А.Р. Гоц, в период московский – член Ц.К. Донской. С ними связь держал и вел переговоры Летучего Отряда Г. Семенов.

Разрешая экссы, ответственные члены Ц.К. предупреждали, что они должны проводиться не как партийные акты, что партия их своими не признает, но террористические акты если не теперь, то позже будут открыто признаны партией. Так сообщено было Семеновым на собрании отряда, так сообщал он мне лично, то же самое сказал мне А.Р. Гоц во время моего свидания с ним в Москве в конце июля.

Летучим Отрядом в Петербурге решено было совершить террористические акты на Зиновьева и Володарского и в Москве на В.И. Ленина и Л.Б. Троцкого,

для чего туда были отправлены члены Отряда Гвозд, Усов и Зеленков, которые до переброски туда отряда должны были найти квартиры и начать слежку. В июне членом отряда рабочим Сергеевым был убит Володарский. На другой день в газете появилось заявление от имени Ц.К., что партийные организации никакого отношения к убийству не имеют, а через меня Семенову от имени ЦК было передано распоряжение о немедленном выезде из Петербурга всей боевой группы. Покушение на Зиновьева временно было отложено и группа, кроме меня, выехала в Москву. Мне же в Петербурге поручено было подготовка покушения на Урицкого, руководство петербургскими боевыми дружинами. Кроме того, я несла работу по переброске на Волгу и в Архангельск тех, кто считал обязательным участие в разгоравшейся гражданской войне. Боевики и военные с-р. направлялись за Волгу, остальные же – непартийные, через Вологду на Архангельск.

Для слежки за Урицким я сняла комнату на 9-й линии В.о. против дома, где он жил; бывала в его квартире, хозяйкой которой была зубной врач, к которой я ходила лечить специально для этого сломанный зуб. Одновременно с этим вела также работу по подготовке эксов. Был прода----- (неразборчиво) в театральной кассе Государственных театров, где по нашим сведениям скоплялись иногда большие суммы, потом какого-то пароходного общества на набережной на углу 12-й линии. В середине июля мною была подана Семенову телеграмма, что покушение на Урицкого можно произвести. Одновременно с этим я была вызвана в Москву, где по постановлению Летучего Отряда должна была остаться. Перед отъездом слежка за Урицким передана была мною боевику Василеостровского района Зейме; он вскоре выехал из Петербурга, и работа эта прекратилась. Позже, в августе, Урицкий был убит Канегиссером, который никакого отношения к нашему отряду не имел.

Приехав в Москву, я застала группу в следующем составе: Семенов, Е.Иванова, Усов, Козлов, Зубков, Зеленков. Немного позже вошли в нее Новиков, Корольков, Киселев. За исключением Семенова, Ивановой и меня – все были петербургские рабочие. Отряд в августе расширился вхождением в него Фани Каплан и еще нескольких боевиков-рабочих, направлявшихся из Петербурга на Волжский фронт, но временно задержанных в Москве в помощь отряду. В августе численность отряда была в 14 человек. Отряд имел дачи по Казанской и Нижегородской ж.д. и квартиры в Москве.

Вначале отрядом решено было организовать в первую очередь покушение на Л.Б. Троцкого, каковому акту придавалось большое значение в военно-стратегическом отношении. Во вторую очередь должно было последовать покушение на В.И. Ленина, которое расценивалось как акт политический. Мы старались путем слежки установить часы и дни выездов Троцкого в учреждения,

где он бывает. Слежка велась за въездом в кремль, Военным Комиссариатом и разными военными учреждениями (названий не помню) в районах Никитских, Георгиевского пер., Садово-Кудринской. Дежурили мы в несколько очередей. Кроме того, мной велась слежка в д. Тарасовке по Ярославск.ж.д., где поселилась под именем Лидии Николаевны Поповой: В Тарасовке на даче жил тогда, кажется, Бонч-Бруевич, у которого, по полученным нами сведениям, бывали Л.Б. Троцкий, Крыленко и целый ряд видных большевиков. У нас был план устроить покушение на Троцкого по дороге в Тарасовку за Мытищами, напав на автомобиль. Дорога из Москвы до Мытищ была осмотрена Фани Каплан и мною. Мы вместе прошли её, чтобы выбрать место удобное для нападения. Остальная часть дороги была осмотрена кем-то другим из отряда. Все наши попытки установить путем слежки регулярность выездов Троцкого не дали никаких результатов. Время шло, энергия расходовалась, а конкретного Отряд ничего не сделал. На одном из собраний Отряда был поставлен снова вопрос, на кого первого делать покушение – В. Ленина или Л. Троцкого. Решено было провести покушение на того, кто первый будет встречен в благоприятной для акта обстановке. Для покушения мы решили использовать митинги, которые регулярно каждую пятницу происходили во всех районах Москвы. Три недели подряд мы посещали все митинги. В первую неделю все боевики, вооруженные револьверами (системы у нас были – Браунинги, Маузеры, Штейер, Парабеллум), были распределены по митингам, но когда одним из боевиков, назначенным отрядом в исполнители, был встречен В.И. Ленин и он в него не выстрелил, то на вторую неделю система была нами изменена. Было намечено в качестве исполнителей несколько человек, а именно: Фани Каплан, я и Козлов. Каждый из исполнителей объезжал несколько митингов. Но так как был риск, что переезжая из одного помещения в другое, можно или опоздать, или Ленин может приехать позже, после отъезда исполнителя (во вторую пятницу Ленин не выступал совсем), то в третью пятницу - 30 августа – организация была такова: исполнители должны были дежурить в условленных пунктах – Фани в районе Замоскворечья, я в районе Александровского вокзала, Алексеевского Народного Дома и Козлов в районе Басманных (точно не помню его района). Остальные боевики были разбиты по всем митингам и, в случае приезда на один из них В.И. Ленина, должны были дать знать районному исполнителю.

В.И. Ленин приехал на Щипки, и Фаня стреляла в него. Все три пули были отравленные (у всех трех исполнителей первые 3 пули в обоймах были надпилены крестом и отравлены ядом «кураре», оставшимся у меня от первой мартовской организации).

Как было сказано выше, санкция от имени Ц.К. партии нам была дана Гоцем и Донским с оговоркой, что если партия сразу не может признать акт этот своим, то, во всяком случае, позже она это сделает, но Донским было дано

обещание, что отказа партии от террористического акта не последует никоим образом.

На другой день покушения Фани Каплан последовало официальное заявление от имени партии, что ни одна партийная организация в покушении на В.И. Ленина участия не принимала. Этот отказ произвел ошеломляющее впечатление на Отряд: пал престиж Ц.К., поколебалась вера в террор, началось внутреннее разложение Отряда. Отряд верил, что дело террора есть дело во имя Революции; во имя Революции он шел и отдавал последнее, что имел – свою жизнь. Санкция Ц.К. была моральной поддержкой, оправданием этого метода борьбы. Отряд шел на молчание партии, но отказ партии, ложь словом – были для него неприемлемыми. Те появлявшиеся у нас иногда мимолетные сомнения - допустим ли террор, как метод борьбы, по отношению большевиков – партий борющихся, как и мы за социализм – стали разгораться сильнее и сильнее. Отказ рассматривался не только, как акт трусости и отсутствия гражданского мужества, но и как осуждение партией этого метода борьбы с большевиками. На одном из собраний Отряда после покушения Фани, вопрос о дальнейшей террористической работе был обсужден, и за неё высказалось пять человек из всего отряда: Семенов, Корольков, я, приехавшая после покушения подруга Фани Каплан – Ставская и еще кто-то пятый (забыла). Остальные составляли подрывную и боевую группу.

Вскоре после покушения на Ленина нами решено было произвести покушение на Троцкого, который должен был выехать на Восточный фронт. Мы решили действовать двумя способами: в Москве на вокзале дежурила я в качестве исполнителя террористического акта, а Корольков помощником, а подрывная группа во главе с Ивановой выехала по Казанской ж. дороге и подготовила крушение поезда за ст. Люберцами. Две ночи дежурили мы на Казанском и Николаевском вокзалах (по полученным сведениям, какой-то специальный поезд, по виду похожий на поезд Л. Троцкого, стоял на путях Николаевской ж.д.), но Л. Троцкого не встретили, т.к. он выехал в тот день, но с иного вокзала. На этом кончился наш период террористической борьбы.

После этого Отрядом был предпринят ряд эксков: один экс где-то за Москвой у частного лица (Ц.К. об этом эксе не знал); другой экс на несколько миллионов должен был быть произведен в Продовольственном Комитете на углу Страстной площ. и Тверской. Все было подготовлено; несколько вооруженных боевиков вошли в помещение Прод. Ком. и должны были расплавить несгораемый шкаф специальным, с этой целью купленным, аппаратом, остальные, в том числе Семенов и я, ждали вооруженные около, чтобы в случае тревоги вмешаться в дело. Но в аппарате не хватило кислорода и принуждены были бросить дело.

Должна добавить, что постановлением Отряда Семенову, как руководителю, запрещено было принимать активное участие и в террористических актах и сначала в эксгах.

Следующий экс произведен был в почтово-телеграфном отделении по Камергерскому около Тверской. В нем непосредственное участие принимал и Семенов. Взятые в нем деньги переданы были мне, и снесены мною на конспиративную квартиру. О двух последних эксгах член Ц.К. Донской был уведомлен Семеновым.

После этого подготовлялся экс в Глав-Сахаре, был проект захвата золота для контрибуции Германии, но в это время последовали аресты Семенова, Ивановой, Рудакова (впоследствии бывшего в Отряде Гинзбурга и погибшего в начале 1921 г. в Польше), Томашевича и еще двоих боевиков. Перед тем часть Отряда временно разъехалась по домам в отпуска. Остальная часть Отряда, за исключением террористической группы, должна была выехать на Восточный фронт. Оставшаяся после арестов группа, квартиры, оружие оказались на моих руках. От имени Ц.К. Донской предложил немедленно выехать всем нам из Москвы – у Ц.К. была полная уверенность, что все дела Отряда раскрыты.

Распустив временно, на время усиленных розысков нас властями, группу, сама осталась в Москве, поселившись около Калужской площади под именем Ядвиги Валер. Корнатовской.

Завязав связи с сидящими в тюрьме товарищами, я с ведома и по поручению Ц.К. занялась подготовкой побега Семенова, как наиболее скомпрометированного. Забыла сказать, что сразу по ареста товарищей, когда была полная уверенность, что их расстреляют, у меня был план произвести взрыв в В.Ч.К. на Лубянке. Осуществить его хотела при помощи какого-то служащего в В.Ч.К. в охране – не помню его имени. Вскоре выяснилось, что дело арестованных не так безнадежно, кроме того, Семенов от побега отказался – и тюремные дела вылились в форму снабжения сидящих передачами и хлопотами за них.

В декабре 1918 г. подготовлялся мною экс в Глав-Сахаре (не особенно уверена в названии, знаю, что учреждение помещалось на углу бульваров недалеко от Хитрова рынка и было мною осмотрено).

Велись переговоры с одним из кассиров. Членом Ц.К. Донским предложены были мне московские боевики, но они оказались непригодными для дела. На Рождество я выехала в Петербург, чтобы подобрать группу из старых

товарищей по работе, но застала их в состоянии полной апатии. Остальные же члены отряда рассеяны были по всей России.

На этом кончилась боевая работа Центрального Летучего Отряда.

В период с конца 1917 г. и весь 1918 г. характерной чертой тактики партии с-р была тенденция использовать для борьбы с Советской властью все средства, все возможности: и террор, и союзников, и военщину, и черносотенцев. Использовать всё исподтишка, под сурдинку, боясь огласки и перед партийными массами, и перед Интернационалом, т.к. таковые методы вычеркивали п. с.р. из рядов интернационала. Все это я говорю на основании фактов. О терроре было сказано выше. Связи с франц. Военной миссией держал в Петербурге А.Р.Гоц. После его отъезда мною были получены из франц. миссии через н.-с. Игнатьева 10.000 руб. для работы Воен.Комис. Военная Комиссия с разрешения Ц.К. получила деньги на работу от какой-то черносотенной организации – связь с ней держали Леппер и Семенов. С ведома и разрешения Ц.К., для совместной работы против советской власти были притянуты к работе Воен. Ком. и целый ряд офицеров, не только беспартийных, но иногда и ярко контрреволюционных.

Такова тактика партии была в России, такова она была и за Волгой.

Я безусловно убеждена, что на путь террора партия практически бы не стала по своей инициативе, не будь конкретных предложений от отдельных членов партии. Для этого не было у Ц.К. ни мужества, ни воли. Моментами мне казалось, что у Ц.К. было сознание недопустимости такого метода борьбы, как террор, но по привычке использовать все попадающееся на пути в расчете, что авось будет польза – давал санкцию.

---oo0oo---

Фани Каплан – бывшая анархистка, каторжанка. Человек безукоризненной чистоты, преданный идее и для идеи способный отдать все силы, жизнь свою. У неё не было ни личной жизни, ни личных интересов, все шло для работы тому, чему она верила, что для неё было святая-святых. Интересы Революции были для неё выше всего, и во имя их, как тогда она понимала их и верила, она пошла и погибла.

Лидия Коноплева.

(Кажется, Галина Петровна мне говорила, что после ареста Ф. Каплан её шуба

висела у нас в комнате на Варсонофьевском пер. около 3 месяцев).

Вот тот материал из интернета, который может быть интересным:

Разговор со старшим прокурором-криминалистом Следственного комитета при прокуратуре РФ Владимиром СОЛОВЬЁВЫМ ведёт политический обозреватель «Правды» Виктор КОЖЕМЯКО.

— И это дело вы тоже изучали?

— Конечно. В настоящее время в Центральном архиве ФСБ РФ хранятся 113 томов материалов следствия, стенограммы суда, агентурного обслуживания, документы о деятельности партии правых эсеров. Следствие было закончено 21 апреля 1922 года. Верховный трибунал при ВЦИК заседал 48 дней (8 июня — 7 августа 1922 года). К процессу были привлечены 177 человек. Осудили 34 руководителя этой партии. Широкой огласке процесса способствовала подготовка предварительных материалов работником ОГПУ Яковом Аграновым. Самые «убийственные» материалы находились в брошюре Г. Семёнова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.», изданной в 1922 году в Берлине, и в письме в ЦК РКП(б) Л.В. Коноплёвой. Григорий Иванович Семёнов (Васильев), как я уже говорил, был в 1918 году руководителем боевой эсеровской группы, а Лидия Васильевна Коноплёва — активным её членом.

Их причастность к организации покушения на Ленина выяснилась именно в 1922 году? — Да. История с тем покушением на вождя, может быть так и осталась бы личным террористическим актом, если бы не откровенные признания Григория Семёнова и Лидии Коноплёвой. В своей книге Семёнов рассказал о том, что под его руководством в Петрограде и Москве действовала группа террористов и он, как её руководитель, готовил покушение на Урицкого, организовал убийство Володарского и покушение на Ленина. Когда в том же 1922 году в Москве состоялся суд над партией правых эсеров, подсудимыми от группы боевиков-террористов, активно разоблачавшими преступную деятельность партии социалистов-революционеров в 1917—1918 годах против Советской власти, стали Семёнов, Коноплёва, Дашевский, Усов, Фёдоров-Козлов, Зубков и другие эсеры, заявившие, что осознали свою вину и перешли на позиции коммунистов. Они, кроме политических преступлений, признали и организацию целого ряда крупных экспроприаций, грабежей, контрреволюционных мятежей и восстаний, подрывной деятельности разведок и посольств Антанты, развязывание ими вместе с внутренней контрреволюцией Гражданской войны.

Верховным революционным трибуналом ВЦИК РСФСР Г.И. Семёнов (Васильев) и Л.В. Коноплёва были приговорены к высшей мере наказания —

расстрелу, но впоследствии помилованы и освобождены из тюрьмы. Приговор не был отменен до конца их жизни.

А вот еще: Коноплева Лидия Васильевна (1891—1940). Училась на Высших женских Бестужевских курсах. В 1906—1916 гг. участвовала в анархистском движении. Дважды арестовывалась. В ПСР вступила после февраля 1917 г., была членом Петроградского комитета ПСР. В 1918 г. член Боевой группы Семенова. В 1919 г. вошла в МПСР, в феврале 1920 г. по партийной мобилизации направлена на фронт. В феврале 1921 г. вступила в РКП(б) и возобновила свои связи с военной разведкой, которая отправила ее в марте 1921 г. в Германию, откуда она была вызвана для дачи показаний на предварительном следствии по процессу социалистов-революционеров. В январе 1922 г. направила в ЦК РКП(б) доклад о своей прежней эсеровской работе, послуживший наряду с брошюрой Г.И. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 гг.» (Берлин, 1922) основанием для предъявления обвинения эсерам, привлеченным по этому процессу. Оправдывала свой поступок тем, что «все, что в интересах Революции, - допустимо и оправдываемо. Интересы Революции — наша правда, наша мораль. И когда мы с Семеновым, перед отъездом его в Россию, обсуждали этот вопрос, то там решили оба — если интересы революции требуют, то мы должны, обязаны сделать, хотя бы с точки зрения человеческой морали, это было неприемлемо» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 150). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе была обвиняемой второй группы, приговорена к расстрелу, но амнистирована. В 1937 г. была выведена на процесс Н.И. Бухарина. А вот несколько слов о Г.И. Семенове. (Интернет).

Одним из лучших секретных агентов молодой Советской Республики стал эсеровский боевик Григорий Иванович Семенов ("Жорж"). Рожденный в семье революционера и воспитанный в традициях коммунистического подполья, он принял участие в хитроумной операции по устранению противников ВКП(б). (В партии с-р. с 1912г. В справке ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР от 1957 года, составленной на основании архивов разведки, утверждается, что Г.И. Семенов в 1919-1921 г.г. "работал по линии ВЧК". В анкетах он утверждал, что с самого начала служил в военной разведке. Очевидно, Семенов мог не знать, по какому ведомству значится его задание, да и ВЧК с Региструпром взаимодействовали столь тесно, что имели общую агентуру"). Это был настоящий специалист по диверсиям. Он немало поработал над организацией рабочего движения в Китае. Разворачивал партизанскую войну в Испании... Его заслуги не были отмечены высокими наградами, а имя не увековечилось в литературе. Тому были причины. Семенов организовал покушение на Ленина.

То самое, знаменитое, с участием Фани Каплан. Он еще много сделал для своей страны: руководил технической разведкой в Германии, участвовал в создании индустриальной базы и даже управлял колхозом. Он сменил немало должностей и пережил многих товарищей по партии. По его биографии можно следить за хитросплетениями личных интересов в мудреной игре сильных мира сего, называемой также большой политикой. (С.М. Журавлев. «Человек революционной эпохи»).

Чем же занималась Лидия Васильевна Коноплева в период от покушения на В.И. Ленина и до её ареста в 1937 г.?

Судя по её письму к Л.П. Серебрякову, она была законопослушным гражданином при советской власти. Более того, сам факт и тон её обращения к высокопоставленному чиновнику 20-х годов, позволяет считать, что она была не рядовым служащим. Семейная фотография не раскрывает место её службы, хотя по плакатам с графиками на стене, можно предполагать, что это учебное заведение (техникум?)

Вот информация о Л.В.Коноплевой из книги Костина о Ленине «Террористы».

«После покушения на Ленина в 1918 году была арестована. Пересмотрела свои взгляды и в марте 1921 года вступила в РКП (б). Рекомендацию дали Н.И. Бухарин и Л.П. Серебряков. В 1922 году выступила свидетелем на процессе правых эсеров в Москве. Амнистирована.

Трудовая деятельность. - Была сельской учительницей, секретарем уездного комитета Всероссийского земского союза. После Октябрьской революции работала в детских организациях, редактором издательства "Транспортная литература".

Семейное положение. - Муж - П.Г. Волков, дети - дочь Галина и сын Борис.

Арестована 30 апреля 1937 года за хранение архива партии правых эсеров. Расстреляна 13 июля 1937 года. Реабилитирована 20 августа 1960 года. Лидия Коноплева - натура независимая и решительная. Обладала солидным опытом пропагандистской работы и террора. Помогала Семенову в создании Центрального Боевого Отряда при ЦК ПСР. Первой из террористов-эсеров сделала попытку покушения на Ленина в марте 1918 года. Помогал ей эсер Петр Ефимов. Он же обучал ее стрельбе из револьвера, бомбометанию, технике конспирации. Покушение не состоялось. Коноплева и Ефимов вернулись в Петроград. Летом 1918 года Коноплева готовила восстание на судах Балтийского флота, участвовала в нескольких дерзких вооруженных экспроприациях банков, занималась переброской на Волгу и в Архангельск тех,

кто изъявлял желание сражаться с красными на фронтах гражданской войны. В конце июля была вызвана Семеновым в Москву. В отряде подружилась с Каплан. Взяла ее под свою опеку. Жила вместе с ней на одной квартире, обучала ее владению оружием, ведению слежки. Знакомила с Москвой, ходила на разведку по маршрутам поездок Ленина на автомобиле и в места, посещаемые Троцким».

Справедливость и точность изложенного оставляю на совести автора. Есть неточность. Дело в том, что арестована и расстреляна она была не столько за «хранения архива», сколько, как указывается в:

ОБВИНИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ от 15 июня 1937 г. (утвержденное А. Вышинским) по след. Делу № 11401 по обвинению Коноплевой Лидии Васильевны в преступлениях, предусмотренных ст.58/8 и 58/11 УК РСФСР:

В процессе следствия по делу ликвидированной антисоветской эсеровской террористической повстанческой организации было установлено, что активным участником этой организации является кадровая эсерка с 1918 года – КОНОПЛЕВА Лидия Васильевна, состоявшая ранее в центральной боевой дружине ЦК ПСР, подготовившей покушение на тов. Ленина. На этом основании КОНОПЛЕВА Л.В. 30 апреля была арестована.

Произведенным, при аресте КОНОПЛЕВОЙ, обыском у неё обнаружено:

- 1/ эсеровский архив,
- 2/ три револьвера,
- 3/ большое количество контрреволюционной литературы,
- 4/ рукопись по подрывной химии,
- 5/ взрывчатые вещества,
- 6/ боевые патроны к револьверам различных систем.

Следствием по делу установлено, что КОНОПЛЕВА входила в состав московской террористической группы, являющейся частью ликвидированной эсеровской террористической повстанческой организации, и принимала участие в подготовке террористических актов против т.т. Сталина, Молотова, Ворошилова и других руководителей ВКП /б/ и сов. Правительства.

В своей террористической деятельности была непосредственно связана с Бухариным и руководителем террористической организации – террористом и агентом ГЕСТАПО - СЕМЕНОВЫМ.

На основании изложенного:

КОНОПЛЕВА Лидия Васильевна, 1891 года рождения, уроженец г. Ленинграда, гр. СССР, состояла членом центральной боевой дружины ЦК ПСР, в 1918-19 гг., подготовившей покушение против тов. Ленина, за что в 1922 году по процессу ЦК ПСР была осуждена к расстрелу, но помилована ВЦИКом. Член ВКП/б/ с 1921 года, исключена в 1937г. в связи с арестом. До ареста – без определенных занятий, - обвиняется в том, что -

1/ являлась активной участницей эсеровской организации; ставившей своей целью свержение советской власти, путем совершения террористических актов против руководителей ВКП/б/ и сов. правительства и организации повстанческих кадров из среды антисоветских элементов;

2/ входила в московскую террористическую группу этой организации, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58/8 и 58/11 УК РСФСР. Виновной себя не признала, но полностью изобличается показаниями обвиняемых по настоящему делу УСОВА, СТАВСКОЙ И СЕМЕНОВА. Вследствие изложенного, КОНОПЛЕВА Л.В. подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР с применением закона от 1/ХП-37г.

ПОМ. НАЧ 5 ОТД 4 ОТДЕЛА ГУГБ -	Подпись
КАПИТАН ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:	(Агабеков)
«СОГЛАСНЫ» ПОМ НАЧ 4 ОТДЕЛА ГУГБ	
МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ:	(Гатов)
НАЧ 5 ОТД 4 ОТДЕЛА ГУГБ	
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ	(Альтман)

« » июня 1937г.

РАСПИСКА

12 июня 1937г.

Мною, нижеподписавшейся Коноплевой Лид. Вас. получена копия обвинительного заключения о предании меня суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Подсудимый	Подпись
Вручил: Секретарь Военной Коллегии	
Верховного Суда Союза ССР	Подпись
Военный юрист	ранга

Галина Петровна, моя тетя, рассказывала со слов своего отца (мужа бабушки) П.Г. Волкова, что револьверы, зафиксированные в протоколе, были: игрушка 15-летнего Бориса (типа «самопал» - расплющенная трубка с одного конца, а с другого заправляемая серой - головками от спичек), остов рукоятки без барабана «Бульдога» (им кололи орехи) и табельный наган, принадлежащий

самому П.Г. Волкову с соответствующим разрешением. Вся «антисоветская, контрреволюционная литература и архив эсеров» - продавалась и была куплена в момент ареста в книжных магазинах Москвы. Взрывные вещества и рукопись были необходимы бабушке, которая читала по этой дисциплине лекции в военной организации, о которой «органы дознания» не сочли нужным упомянуть. Продолжу представлять официальные документы:

ПРОТОКОЛ №.....
ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

11 июля 1937г. г.Москва
Председатель: Армвоенюрист В.В.УЛЬРИХ
Члены: Корвоенюрист П.Я.Плавнек и
Диввоенюрист Я.Н.Дмитриев
Секретарь Военный юрист 1 ранга А.Ф.Костенко
Участствует Зампрокурора СССР т. Рогинский

СЛУШАЛИ:

Дело с обвинительным заключением ГУГБ НКВД СССР, утвержденным Зам. Прокурора Союза СССР о предания суду Военной Коллегии Верховсуда Союза СССР КОНОПЛЕВОЙ Лидии Васильевны по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР, в порядке закона от 1 декабря 1934 г.

ОПРЕДЕЛИЛИ:

1. С обвинительным заключением, утвержденным Зам. Прокурора СССР тов. Рогинским, согласиться и дело принять к производству Военной Коллегии Верховсуда СССР.
2. Предать суду КОНОПЛЕВУ Л.В. по ст.58-8 и 58-11 УК РСФСР.
3. Дело заслушать в судебном закрытом заседании, без участия обвинения и защиты, и без вызова свидетелей, в порядке закона от 1 декабря 1934 г.4. Мера пресечения обвиняемому оставить прежнюю, т.т. содержание под стражей.

Председатель подпись
АРМВОЕНЮРИСТ СЕКРЕТАРЬ подпись
Военный юрист 1 ранга

ПРОТОКОЛ

И
ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИ
И
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР.

13 июля 1937 г.

г.Москва

Председатель – Армвоенюрист В.В. УЛЬРИХ

Члены: Корвоенюрист Л.Я. ПЛАВНЕК

Диввоенюрист Я. Н. ДМИТРИЕВ

Секретарь – военный юрист 1 ранга А.Ф.Костюшко

Заседание открыто в 21 ч.6м.

Председатель объявляет о том, что подлежит дело по обвинению КОНОПЛЕВОЙ Лидии Васильевны – в предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь докладывает, что подсудимая в суд доставлена и что свидетели по делу не вызывались.

Председатель удостоверяется в самоличности подсудимой и спрашивает её, вручена ли ей копия обвинительного заключения. Подсудимая отвечает утвердительно. Ей разъяснены её права на суде и объявлен состав суда. Никаких ходатайств, а также отвода составу суда подсудимой не заявлено.

По предложению Председателя секретарем оглашено обвинительное заключение. Председатель разъясняет подсудимой сущность предъявленных обвинений и спрашивает её, признает ли она себя виновной.

Подсудимая – виновной себя не признает и на вопросы Председателя отвечает:

Показания СЕМЕНОВА, УСОВА, СТАВСКОЙ – ей известны и их отрицает. При обыске у нее обнаружены три револьвера и эсеровский архив, связанный с её процессом в 1922 г. Обыском также у неё была изъята к/р литература количеством около 20 штук книг. Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Судебное следствие объявлено законченным и подсудимой предоставлено последнее слово, в котором она заявила, что от эсеровской организации она отошла в 1919 г. и с тех пор никакой к/р работы не вела. Показания СТАВСКОЙ, СЕМЕНОВА и УСОВА считает ложными. Суд удалился на совещание. По возвращению суда с совещания, Председателем оглашен приговор.

В 21 ч. 46 м. заседание закрыто.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - АРМВОЕНЮРИСТ

подпись

Секретарь военный юрист 1 ранга

подпись

Обратите внимание на даты и время! 40 мин. и судьба человека решена:

П Р И Г О В О Р

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР
в составе:

Председательствующего Армвоенюриста В.В. Ульрих
Членов: Корвоенюриста Л.Я Плавнек и
Диввоенюриста Я.П. Дмитриева

В закрытом судебном заседании, в городе Москве 13 июля 1937 года, рассмотрела дело по обвинению КОНОПЛЕВОЙ Лидии Васильевны, 1891 г.р., без определенных занятий, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что отв. Коноплева являлась активной участницей эсеровской террористической организации, ставившей своей целью свержение советской власти, путем совершения террористических актов против руководителей ВКП (б) и Сов. Правительства, входила в Московскую террористическую группу этой организации, причем в своей террористической деятельности была непосредственно связана с Бухариным и руководителем эсеровской организации Семеновым.

Признавая, в силу изложенного, Коноплеву виновной в преступлениях предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 Уг.Код. РСФСР, Военная Коллегия Верховсуда СССР, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК, приговорила Коноплеву Лидию Васильевну к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании Постановления ЦИК Союза от 1 дек. 1934 г. приводится в исполнение немедленно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ	армвоенюрист В.Ульрих	(подпись)
Члены:	корвоенюрист Л.Плавнек	(подпись)
	диввоенюрист Я.Дмитриев	(подпись)

секретно

С П Р А В К А

Приговор о расстреле Коноплевой Лидии Васильевны приведен в исполнение 13.VII.1937 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР №2 лист №127

НАЧ.12 ОТД. 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ:

подпись (Шевелев)

Спустя 18 лет средней сестре – Ольге Васильевне была выдана справка о смерти Лидии Васильевны с ложным указанием даты смерти (ниже привожу фото архивного документа). Фабрика по убийству и обману собственного народа у властей работала исправно.

Герб 73. Форма №38

Верховная Коллегия Секретно. Экз.№2

Верховного Суда Союза СССР

9 декабря 1955

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ г.

МОСКВЫ

НАЧАЛЬНИКУ 1 СПЕЦОТДЕЛА МВД СОЮЗА СССР

ГЛАВНОМУ ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ

Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданке КОНОПЛЕВОЙ Ольге Васильевне свидетельство о смерти ее сестры КОНОПЛЕВОЙ Лидии Васильевны.

Сообщаю, что К О Н О П Л Е В А Лидия Васильевна 1891 года рождения. Была осуждена Военной Коллегией Верховного Суда Союза СССР 13.07.1937 года и отбывая наказание умерла 1.04.1940 года .

Гр-ка КОНОПЛЕВА О.В. проживает по адресу г. Москва В-180, Бродников пер., дом 2/6, кв.2.

Зам. Председателя Военной Коллегии

31 декабря 1955 г.

Верховного Суда Союза СССР

Полковник юстиции В. Борисоглебский

Подпись

Увлечшись государственной деятельностью бабушки, я забыл привести факты из её личной жизни. В начале 20-х годов она вышла замуж за Петра Георгиевича Волкова. 25 января 1926 г. у них родилась дочь – Галина Петровна. В своих воспоминаниях я писал о нем, как об одном из самых замечательных «светлых» людей, которых мне довелось повстречать. А вот, что указывает в рапорте о нем лей-т госбезопасности, производивший обыск и арест Лидии Васильевны: «Муж Коноплевой – Волков П.Г. считается старым членом н/партии, однако при обыске нами обнаружена лично ему принадлежавшая троцкистско-бухаринская литература и эсеровские документы. Вместе с этими документами (изъятыми при обыске) установлено, что Волков П.Г. сын полицейского, голосовал за троцкистскую платформу и одно время был весьма близок к ТРОЦКОМУ (см. телефонограмму №205)». «Рыл копытом» ретивый лейтенант, выжигая «каленным железом осиное гнездо врагов народа»! Петр Георгиевич был коммунистом с 1918 года. В момент ареста жены был начальником специнспекции Красногвардейского района г. Москвы, вот почему у него имелось зарегистрированное оружие и патроны. После ареста жены его выгнали из партии ВКП(б), но мне рассказывали, что его товарищи по работе всегда считали его настоящим коммунистом и не прекращали общения с ним.

Дедушка многократно обращался к властям с просьбой о пересмотре дела Л.В. Коноплевой, не зная вначале о её смерти. В 1956 г. он обратился в Главную военную прокуратуру с просьбой о её реабилитации. Привожу текст его собственноручного заявления. Из него следует, что бабушка никак не являлась человеком «без определенных занятий», как это указывалось в официальных документах властей.

Главному военному прокурору СССР
От рабочего Волкова Петра Георгиевича, бывшего члена
ВКП(б) с июля 1918 г. по 1937г. Мой адрес: Москва,
Бол. Власьевский пер., д. 14, кв. 14.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В связи с рассмотрением дела моей жены Коноплевой Лидии Васильевны в военной прокуратуре СССР, считаю своим долгом заявить по этому делу следующее. Знаю т. Коноплеву с 1924 г. С момента моего знакомства она работала в Москве в советских учреждениях: именно, издат. «Работник Просвещения», «Транспечать», а с 1927 г. до момента ареста (1937г.) в КОГИЗе,

за это время два раза партия посылала её за границу.

Работая в советских учреждениях, т. Коноплева к работе относилась добросовестно не жалея сил. Мне пришлось вместе с ней работать ...нао и издательстве «Работник Просвещения» (24-26гг.), ...помимо советской работы, партийные организации поручали ей выступать с докладами и давали разные партийные поручения, которые она выполняла, как настоящий большевик.

С 1927 г. по 1937 г. т. Коноплева работала в КОГИЗе в качестве начальника библиотечного сектора, где партийная организация также давала ей партийные поручения, к которым она готовилась в моем присутствии.

С 1936 г. органами НКВД был арестован т. Лагун А.Г., который работал в КОГИЗе начальником финансового управления вместе с т. Коноплевой. После ареста т. Лагун, Коноплевой было предъявлено обвинение: «связь с врагом народа т. Лагун», т.к. т. Лагун очень часто ходил к нам на квартиру. За это в 1937 г. Коноплеву исключили из членов партии ВКП(б). В данное время т. Лагун А.Г. полностью реабилитирован и посмертно восстановлен в рядах партии.

30 апреля 1937 г. моя жена т. Коноплева была арестована НКВД и особым совещанием осуждена на 10 лет без права переписки. После ареста жены мне не было предъявлено со стороны НКВД никаких обвинений.

По партийной линии, после расследования мне было предъявлено обвинение: «связь с врагом народа». Несмотря на мои возражения, что т. Лагун я знаю с конца 1917 г., как одного из активных, честных и преданных партии товарища и что моя жена т. Коноплева никуда не ходила, и никто к ней на квартиру из посторонних, которых бы я не знал, не приходил, кроме двух-трех товарищей по совместной работе в КОГИЗе. Разговоры велись большей частью по вопросам, касающимся работы, я был исключен из рядов партии.

На мои вопросы, в чем же конкретно обвиняется т. Коноплева? До сих пор не имею ответа.

Мое глубокое убеждение, что тов. Коноплева арестована и осуждена была неправильно. Если у ней до вступления в ряды партии были большие ошибки, которые она своевременно осознала и дальнейшей своей работой их искупила, то партия не мстит.

19/ 1X-56 г.

подпись П. Волков.

Обратили внимание, что Петру Георгиевичу было сообщено об осуждении жены на 10 лет без права переписки?

Помните справочку об её расстреле в тот же день после вынесения приговора? Помните справочку для сестры Ольги Васильевны о том, что Лидия Васильевна умерла в 1940 г.? Наглое, циничное вранье! Но даже соврать, и чтобы не запутаться, не умеют! Можно ли доверять такой изовравшейся власти?

9 декабря 1959 г. нач. следственного управления КГБ при Совете Министров СССР генерал-майору юстиции тов. Чистякову Н.Ф. было направлено заявление П.Г. Волкова для проверки. Спустя 22,5 года после расстрела началась многолетняя проверка сведений по делу Л.В. Коноплевой.

В результате этих расследований было установлено несколько интересных фактов, ярко демонстрирующих порядок и обычаи, существовавшие в партийных и советских органах того времени. Не менее интересно также сравнить трактовку этих фактов в современном обществе.

Например, ozweek.ru/gorodovoy/449-projdu-ya-po-urickogo:

«Доступные историкам документы рассказывают о подлинном замысле «кремлёвского заговора» 1918 года. Теперь стало ясно: нужно было не только убрать Ленина, но и обвинить в убийстве и тем самым подписать смертный приговор партии социалистов-революционеров. Но что-то с самого начала пошло не так, что-то не сработало...

Из томов судебного процесса становится ясно, что стреляла в Ленина не Каплан. Она вообще не причастна к несостоявшемуся убийству. Процесс назвал имена истинных участников покушения на Ленина. Ими оказались Григорий Иванович Семёнов (это он организовал слежку за Ильичём и направил убийц на завод Михельсона) и Лидия Васильевна Коноплёва (боевая подруга Семёнова, которая стреляла в Ленина). Оба они – и Семёнов, и Коноплёва – с 1918 года служили в ВЧК. И в том же 1918 году по заданию ВЧК вступили в партию правых эсеров как классические провокаторы.

Вечером 1918 года в Ленина стреляли два человека. Это чекисты: матрос Александр Протопопов (тот самый, который спрятал чекиста Блюмкина и арестовал Дзержинского) и боевик Коноплёва.

О матросе Протопопове на процессе не было сказано ни слова. Он был первым в списке лиц, расстрелянных ВЧК в ночь с 30 на 31 августа 1918 года. «Интересен приговор суда: все участники покушения на Ленина были тогда оправданы (!!!).

После суда над эсерами пути террористов-любовников Гриши Семенова и Лиды Коноплёвой разошлись. Семёнов будет выполнять тайные поручения военной разведки в Китае, дослужится до ранга бригадного комиссара. Коноплёва уйдёт на преподавательскую работу. Будет учить подрывному делу оперативных работников ГПУ.

Но все они – и Коноплёва, и Семёнов, и «не решившийся вырвать Бога у тысяч рабочих» Константин Усов – будут расстреляны в 1937 году»...

А вот еще - «В дальнейшем преподавала подрывное дело для сотрудников ГПУ. Расстреляна 13.07.1937. Место захоронения: Донское». Или - «В 1919 г. вошла в МПСП, в феврале 1920 г. по партийной мобилизации направлена на

фронт. В феврале 1921 г. вступила в РКП(б) и возобновила свои связи с военной разведкой, которая отправила ее в марте 1921 г. в Германию»...

Где правда, где вымысел? Полагаю, что одна ложь провоцирует создание другой. Впрочем, это дело совести авторов.

Вернусь, однако, к официальным документам о реабилитации Л.В. Коноплевой.

В справке от 18.09.56 г. на имя Главного военного Прокурора СССР от Л.Е.Вильдман (чл. КПСС с 1920г.) сказано: «Снова я встретилась с Лидией Васильевной Коноплевой в январе 1925 и работала с ней до 1927г. в издательстве Транспортной печати НКПС. Она работала Зав. редакцией отдела, а я управделами. Мы с ней состояли в одной партийной организации. Она всегда была очень выдержанная коммунистка, строго требовательная как к себе самой, так и к сотрудникам. К своим партийным обязанностям она относилась с предельной добросовестностью. Всегда проявляла себя как преданный Советский работник».

Расстреляли власти «выдержанную коммунистку и преданного сов. работника»! Это ли не наука для тех, кто остался в живых? Однако продолжу...

9 декабря 1959 г. нач. Следственного управления КГБ при Сов.Мине СССР генерал-майору юстиции Н.Ф.Чистякову направляется для проверки заявление П.Г Волкова с конкретным указанием мероприятий, которые необходимо произвести, за подписью ст. пом. Главного военного прокурора Н.Зарубина. В результате чего появляется

СПРАВКА

В архивах КГБ при Совете Министров СССР никаких сведений о КОНОПЛЕВОЙ Л.В. (кроме материалов, имеющих в настоящем деле), в том числе о её сотрудничестве с ОГПУ, - нет. Документы, на основании которых составлена справка, приобщены к делу № 176. Ст. следователь следотдела КГБ майор Трофимов. 5 апреля 1960 г.

Из партархива института истории партии МК и МГК КПСС №420 от 11.02.1960г. под рубрикой «секретно» нач.2 отдела следуправления КГБ тов. Панкратову поступила Архивная выписка из протокола №72 заседания бюро Железнодорожного РК ВКП(б) г.Москвы от 17 апреля 1937г.

«Слушали: «Решение парторганизации КОГИЗа по делу КОНОПЛЕВОЙ.

КОНОПЛЕВА Лидия Васильевна, год рождения 1891, член ВКП(б) с 1921г., партбилет №1256773, служащая. Парторганизацией КОГИЗа 21.УШ.1936 г. за притупление классовой бдительности и за связь с троцкистом Лагуном Коноплевой объявлен строгий выговор с предупреждением.

10 января дело Коноплевой разбиралось на бюро РК ВКП (б), но вследствие неясности в части засоренности техникума классово-чуждыми элементами, было предложено Семушкину и Серову доследовать.

Установлено: Коноплева политически неустойчива, она с 1906 г. по 1917г. примыкала к анархистам и с 1917 по 1920 г. состояла в партии эсеров. Коноплева, будучи директором техникума, допустила засоренность аппарата классово-чуждыми элементами: троцкист Шабион несколько раз перебрасывался Коноплевой с одной работы на другую. Коноплева, будучи зав. библиотечной группой, допустила огромную политическую ошибку, не поставив парторганизацию в известность о списании в макулатуру важнейшей политической литературы.

Находясь в знакомстве с троцкистом Лагуном, после его ареста не поставила в известность парторганизацию и не помогла парторганизации разоблачить контрреволюционную банду троцкистов (Лагун, Юрень, Рубинштейн, Спивак и др.).

Постановили: Решение парторганизации отменить. За притупление большевистской бдительности, за засорение аппарата техникума классово-чуждыми элементами и связь с контрреволюционными троцкистами – Лагуном и Шабионом – КОНОПЛЕВУ из членов ВКП(б) исключить.»

С подлинным верно: Зам.директора Института истории партии МК М.П. и МГК КПСС подпись (Юдин)

Далее имеется Справка от 29 марта 1960 г. за подписью ст. следователя КГБ Трофимова по архивно-следственному делу №956996 по обвинению Семенова Г.И. в ней подробно изложены допросы Григория Ивановича, указано, что он дал ложные показания по делу Бухарина и затем отказался от них (причины не указаны, повидимому, применялись пытки). Чем кончилось? А вот – «Свидетели на суд не вызывались. Судебный процесс по делу с постановкой приговора проводился в течение двадцати минут. Показания СЕМЕНОВА в протокол судебного заседания записаны следующим образом: «Подсудимый виновным себя не признает и говорит, что показания на предварительном следствии дал ложные». Расстреляли! Наконец, важный в этой истории документ:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4Н -1181/60

«Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе:
Председательствующего генерал-майора юстиции Костромина и членов:
подполковников юстиции Федотова и Боброва в заседании от 20 августа 1960г
ОПРЕДЕЛИЛА: Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 13
июля 1937 года в отношении Коноплевой Лидии Васильевны по вновь
открывшимся обстоятельствам отменить и дело о ней прекратить за отсутствием
состава преступления»

Правда восторжествовала? Можно и так сказать... Только вот – был человек
и нет человека! Невинного уничтожили. А каково семье?
Вот такая совершенно жуткая история, с которой никогда не сравнятся самым
фантастическим «ужастикам» - кровь и страдания здесь самые настоящие!
Что можно добавить? Я никогда не видал своей родной бабушки, но я её очень
люблю и уважаю. Я ей благодарен за появление на белый свет Бориса
Михайловича и Галины Петровны. Вечная ей память!

Я говорю: промчатся годы
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все уйдем под вечность своды
И чей-нибудь уж виден час.
А.С.Пушкин

Дополнение к биографии

Из семьи учителя. По окончании гимназии училась на Высших женских
Бестужевских педагогических курсах (специализация: биология, физика и
математика). В 1906-1916 участник анархистского движения. В 1909 за
революционную деятельность арестована в Архангельске и позднее выслана в
Новгородскую губ. под надзор полиции. В 1912 повторно арестована в
Петрограде. После Февральской революции 1917 вступила в ПСР. Работала
секретарем редакции партийной газеты «Земля и воля». С осени 1917 до
середины 1918 член Петроградского комитета партии. Затем входит в Военную
комиссию ПСР и в возглавляемый Г.И. Семеновым боевой отряд по подготовке
терактов для устранения лидеров большевизма. В мае 1919 временно отходит от
активной политической деятельности и работает учительницей. С октября 1919
в Меньшинстве Партии социалистов-революционеров (МПСР). В феврале 1920
по партийной мобилизации направляется на фронт. Выполняет ответственные
задания командования РККА в тылу В СЮР в Крыму и др. местностях. По
возвращении служила в Регистрационном отделе РВС Юго-Западного фронта. В
декабре 1920 уволена из отдела. В январе 1921 возвращается в Москву и
получает назначение на должность инструктора отдела охраны детства
Наркомпроса (проработала около месяца). 26 февраля написала заявление в ЦК
РКП(б) о вступлении в партию большевиков. Уже на следующий день Оргбюро

ЦК удовлетворило ее просьбу. Тем же постановлением Оргбюро Коноплева вновь откомандирована из Наркомпроса в распоряжение Регистрационного управления РККА. В марте направлена по линии военной разведки за границу, где успешно выполняла задания командования до начала 1922. На процессе являлась одной из центральных фигур среди обвиняемых 2-й группы. По постановлению Президиума ВЦИК амнистирована. Впоследствии репрессирована.

Источник: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка Проведение. Итоги. Сборник Документов, - М., 2002 г. Партия социалистов-революционеров.

Представив материалы о бабушке, я счел необходимым познакомить читателя с теми данными, которые удалось достать из интернета о её командире и соратнике по революционной деятельности Г.И. Семенове. (Гаврюченков Юрий Фёдорович history.wikireading.ru/279251)

Семенов Григорий Иванович

КОММУНИСТ-ЭСЕР-КОММУНИСТ: ГРИГОРИЙ СЕМЁНОВ КАК ЗЕРКАЛО БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Многими чудными делами славились революционные годы. Но даже на фоне происходивших тогда совершенно невероятных событий трудно было представить себе, что помощником начальника агентурного отдела военной разведки станет эсеровский боевик, и не просто какой-нибудь рядовой террорист, а руководитель эсеровского террора против руководства большевистской партии, организатор покушения на Ленина, собственноручно вручивший заряженный пистолет Фанни Каплан! Человека, совершившего столь крутой поворот в своей жизни, которому простили даже Ленина звали Григорий Иванович Семёнов.

Он родился в городе Юрьеве, ныне Тарту, 29 ноября 1891 года, пятым – самым младшим ребёнком в семье акцизного чиновника Ивана Семёнова. В 1849 году глава семьи проходил по делу Петрашевского, но, в числе многих, отделался лёгким испугом. В большой семье бывшего «разночинца» царили революционные настроения, несмотря на то, что ненавистный Семенову режим позволил ему получить чин коллежского советника, занять выгодную вакансию и дать неплохое образование всем детям. Тем не менее, трое сыновей и две дочери Ивана Семёнова воспитывались в духе радикализма.

С 14-ти лет Григорий начал выполнять технические поручения в анархистско-коммунистической группе, взрослые члены которой учили

сообразительного подростка конспирации и «науке террора». Старшие братья, под влиянием которых он пришел в эту романтическую среду, после революции 1905 года благополучно эмигрировали во Францию, получили там высшее техническое образование и стали жить как вполне законопослушные граждане цивилизованной страны. В Россию, где их ждал арест, они уже не вернулись. Сестрам повезло меньше – обе они были схвачены и попали в тюрьму, где одна скончалась при невыясненных обстоятельствах, а другая вскоре после освобождения покончила жизнь самоубийством. На стезе профессионального революционера удержался один Григорий. В 1906 году он уже вел самостоятельную работу парторганизатора, официально вступив в группу анархокоммунистов. В 1907 году его арестовали за участие в революционной организации и через 10 месяцев заключения выслали из Прибалтийского края.

Мягкий приговор, который мог бы послужить хорошим предупреждением для другого, менее революционно настроенного человека, на Семенова совершенно не повлиял. В 1908 году он принял участие в организации дерзкого освобождения заключённых-смертников из Рижского централа. Его поймали, продержали под следствием около года, но, как несовершеннолетний, Григорий отделался двумя годами ссылки в Архангельскую губернию. С 1909 по 1911 годы молодой боевик проходил революционные университеты в ссылке, где подобралась довольно пёстрая компания политических, принадлежащих к разным партиям и течениям. Семёнов познакомился с Авелем Сафроновичем Енукидзе, темпераментным и энергичным человеком, знаменитым впоследствии большевиком. Организатору РСДРП в Баку и руководителю подпольной типографии «Нина» было в ту пору всего 32 года, но 18-летнему Григорию он казался старым и опытным революционером. Все же, несмотря на все влияние Енукидзе, к социал-демократам Семенов не примкнул. Знакомство с ним и с другими товарищами оказали на него несколько неожиданное действие: он разочаровался в анархизме и стал приглядываться к эсерам.

В начале 1912 года срок ссылки закончился. Григорий вернулся в родной Юрьев, где вскоре был вновь арестован. Через несколько недель его освободили, однако было ясно, что надзор полиции за молодым революционером будет плотным. Поняв, что продолжение революционной работы на родине сопряжено с почти непреодолимыми трудностями и не желая вести жизнь законопослушного обывателя, Семенов решил, по примеру братьев, эмигрировать во Францию. Братья, инженеры-электротехники, помогли с работой, и с 1912 по 1915 год Жорж, как теперь, на французский лад, стал себя именовать Григорий, работал электромонтёром в Марселе и Ницце, бывая в России лишь наездами. В 1915 году он окончательно порвал с анархистами и перешёл в партию социалистов-революционеров, в которой состоял с 1912 по 1921 год, в том числе в 1919 – декабре 1920-го был членом меньшинства ПСР (возглавляемая Вольским группа «Народ», по ряду позиций поддерживавшая большевиков и в 1919 году, во время наступления Деникина, мобилизовавшая

своих членов в Красную Армию, но выступавшая против «красного террора»).

Первая мировая война заставила Жоржа вернуться в Россию, где он почти сразу был призван в армию. Служил в Прибалтике в электротехническом запасном батальоне, инструктором по обслуживанию станций высокого напряжения. Февральскую революцию унтер-офицер Семёнов встретил в Риге и сразу же стал одним из организаторов Совета солдатских депутатов расположенной здесь 12-й армии и товарищем председателя исполкома местного Совета. Оказавшись в Петрограде в качестве солдатского делегата I Всероссийского совещания Советов, Семёнов встретил там давнего товарища по ссылке Авеля Енукидзе, который свёл его с другими видными большевиками, в том числе и с Николаем Николаевичем Крестинским. 26-летний эсер сразу стал своим среди бывших конспираторов, ринувшихся из подполья и эмиграции в бурлящий котёл революции. Уже в апреле 1917 года Семёнов стал членом бюро исполнительного комитета Петросовета и руководителем его ключевой – фронтовой коллегии. С июня по октябрь он избирается делегатом I и II съездов Советов и Демократического совещания, работает во фракциях партии эсеров в Ромнах и Яссах, куда он назначен комиссаром 9-й армии, комиссаром 3-го конного корпуса и помощником комиссара Румынского фронта.

Товарищ Семенова по партии Виктор Шкловский вспоминал: «Это человек небольшого роста, в гимнастёрке и шароварах, но как-то в них не вношенный, со лбом довольно покатым, с очками на небольшом носу, и рост небольшой. Говорит дискантом и рассудительно. Внушает своим дискантом. Верхняя губа коротка. Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет. Например, увидит тебя с женщиной и спрашивает: Это ваша любимая женщина? Как-то не поживому, вроде канцелярского: „имеющая быть посланной бумага“...». Шкловский также назвал Семенова «человеком без ремесла», «не умеющим работать». Впрочем, его нельзя считать беспристрастным. Во время написания мемуаров у него были серьезные основания не любить Семенова (чуть ниже станет ясно, за что). Тупых в российской политике тогда попросту не водилось – им не было места среди умных и предприимчивых политиков, активно состязавшихся между собой. Там, где соревнуются таланты, посредственность не имеет ни малейшего шанса проявить себя. Другое дело, что в сравнении с прочими деятелями революционного правительства Семёнов мог выглядеть недостаточно опытным, но опыт приобретается в борьбе, а для него с победой большевистской революции время нелегальной борьбы отнюдь не закончилось.

В то время Семёнов совершил несколько поступков, принёсших ему уважение и авторитет в глазах товарищей по партии эсеров. Спасение Александра Фёдоровича Керенского в октябре 1917 года в Гатчине от разбушевавшихся красных моряков, активная защита Учредительного собрания, а затем непримиримая позиция по отношению к большевикам – всё это показывало, что по основным позициям Семенов не расходится с партией. А

настроены эсеры были решительно. Руководитель ПСР Абрам Гоц сказал тогда: «Если Смольные самодержцы посягнут и на Учредительное собрание... партия с. – р. вспомнит о своей старой испытанной тактике». Большевики Учредительное собрание разогнали, и эсеры в самом деле всерьёз стали вспоминать боевое прошлое. Не обошлось в этом деле и без Семёнова.

После октября 1917 года он становится членом ЦК ПСР. Когда, 10 июня 1918 года, во время нелегального собрания на Николаевской улице, петроградские чекисты арестовали десять членов военной комиссии эсеровского ЦК и её руководителя Р. Р. Леппера (при обыске были обнаружены поддельные документы, оружие, бланки и печати, в том числе чекистские), он стал руководителем Петроградской военной организации и военной комиссии при ЦК. «Постепенно я приходил к выводу, что террор по отношению к советскому правительству допустим и целесообразен. Я был убеждён, что коммунисты захватили власть насильственно, правят против воли народа; я был убеждён, что они губят дело революции, объективно являются врагами революции, поэтому я считал, что все способы борьбы против них допустимы. Думал, что террористические акты на вождей советской власти подорвут советское правительство, ускорят переворот» – рассказывал Семёнов позднее.

В мае 1918 года при ЦК партии социалистов-революционеров был организован Центральный боевой отряд, насчитывавший 15 человек. Целью его создания было физическое уничтожение верхушки РКП(б). Отряд поручили возглавить тому, кто проявил инициативу по его созданию – Семёнову. Первую акцию боевики осуществили в Петрограде 20 июня 1918 года. Машина, в которой ехал член Президиума ВЦИК, комиссар по делам печати Петросовета В. Володарский, внезапно остановилась на Шлиссельбургском тракте якобы от нехватки бензина. Когда Володарский, его жена Н. А. Богословская и сотрудница Петросовета Е. Я. Зорина вышли из машины, ожидавший за углом террорист открыл огонь. Пуля попала Володарскому в спину. Ранение было смертельным.

Удачное дело вдохновило эсеров на главную акцию, целью которой должен был стать Ленин. Боевики Центрального боевого отряда эсеров тщательно отслеживали маршруты передвижения председателя Совнаркома. Лёгких подходов, к вождю, (как сумели подобраться к Володарскому, используя его личного шофера) – на сей раз не было. Однако, используя тот факт, что охрана вождей революции была организована на редкость безалаберно, можно было выбрать удобный момент, когда Ильич сам подставится под пулю. Удобней всего было напасть на него после какого-либо выступления. Покушение состоялось 30 августа 1918 года, после выступления Ленина перед рабочими завода Михельсона в Москве, когда он возвращался к своей машине. Согласно официальной версии, эсерка Каплан, женщина мирной и неприметной внешности, сумела приблизиться к вождю и ранила его выстрелами из браунинга. Фанни Каплан тут же схватили рабочие, однако дело было сделано.

А жертвовать собой во имя дела эсеровским боевикам было не привыкать (Каплан Фейга Хаимовна (Фанни Ефимовна, Дора) родилась в 1890 году в семье сельского учителя. В 1906 году была ранена во время подготовки теракта против киевского генерал-губернатора, арестована. С группой других анархистов приговорена к пожизненной каторге. После Февральской революции 1917 года находилась на партийной работе в Крыму. В 1918 году приехала в Москву и вступила в боевую организацию. Каплан с Семеновым познакомил член Военной комиссии эсеровского ЦК в Москве Иосиф Дашевский. Задержана сразу после покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 года, расстреляна 3 сентября 1918 года.).

После покушения началась подлинная охота за террористами. 22 октября 1918 года сотрудники Военного контроля РВС Республики, так называлась тогда военная контрразведка, за принадлежность к боевой организации задержали и Семенов. Явных улик против него не было, арест носил случайный характер, но основания опасаться самого худшего у известного боевика имелись – время было такое, что могли шлепнуть и без всяких улик. По дороге в караульное помещение он выхватил револьвер и сумел ранить двух конвоиров-красноармейцев, но бежать Семенову не удалось.

Тем не менее, его не расстреляли. В тюрьме Семенов просидел до апреля 1919 года. В его «истории отсидки» были все традиционные способы воздействия заключенного на тюремщиков, включая недельные голодовки. На все предложения сотрудников ВЧК, пытавшихся склонить к сотрудничеству упрямого эсера, следовал категорический отказ. Тем труднее объяснить то, что было потом. После объявленной 27 февраля 1919 года амнистии тем, кто даст письменное обязательство отказаться от продолжения борьбы, к Семёнову в тюрьму приехал старый знакомый Авель Енукидзе, чтобы взять «раскаявшегося товарища» на поруки. Трудно сказать, какие аргументы в пользу «замирения» с большевиками он приводил, но руководителя эсеровской боевой организации выпустили на волю, с полным освобождением от суда и прекращением дела Верховным трибуналом, и даже без письменного обязательства.

Примерно в это время Семенов становится сотрудником советских спецслужб. Согласно данным современного исследователя С. В. Журавлева, он начинает негласно работать с Региструпром Полевого штаба РВСР, т.е. с военной разведкой. Правда, в справке ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР от 1957 г., на которую ссылается Журавлев, утверждается, что Семенов в 1919-1921 гг. в основном работал по линии ВЧК. Сам Григорий Иванович писал в анкетах, что с самого начала служил в военной разведке, хотя задания могли исходить и из другого ведомства. И в протоколе партийного собрания Разведупра от 19 июля 1937, где его исключали из партии как «врага народа», отмечена его служба в Красной Армии с 1919 года. Полагаю, что составителям этого документа не было никакой нужды преувеличивать стаж военной службы арестованного органами НКВД разведчика.

Как бы то ни было, факт начала сотрудничества Григория Семенова с большевиками очевиден. Однако для эсеров он продолжал оставаться «своим» – амнистированным арестантом, членом меньшинства ПСР, преследуемым Советской властью. Новое начальство помогало ему сохранить незапятнанную репутацию в глазах товарищей по партии. Летом и осенью 1919 года он дважды задерживался ВЧК и, в целях сохранения алиби, некоторое время проводил за решёткой. Затем политическая ситуация в очередной раз изменилась. 17 октября 1919 года на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) было рассмотрено заявление эсеров группы В. К. Вольского, в которую входил и Семенов о том, что они «предоставляют себя в полное распоряжение правительства для направления всех на фронт». Подчиняясь решению руководства, Семёнов был официально мобилизован в Красную Армию и отправлен на Южный фронт. В июле 1920 года его откомандировали в распоряжение члена Реввоенсовета Западного фронта Ивара Тенисовича Смильги, будущего известного троцкиста, который отправил его к Алексею Антоновичу Мазалову, начальнику отдела военной разведки штаба фронта и уполномоченному РВС по ведению секретной работы (в 1922-м он был экспертом на процессе эсеров, далее работал в Разведупре, был военным атташе в Эстонии, арестован и расстрелян в 1937 году в звании полковника).

Мазалов поставил перед Семеновым задачу: внедриться в савинковский «Народный союз защиты родины и свободы». Для него, известного эсера, это было не так уж трудно. Борис Викторович и Григорий Иванович были знакомы, повидимому, ещё с парижских времен, а уж по работе в армии в 1917 году сталкивались наверняка, да и секретарь Савинкова Смолдовский знал Семенова по эмиграции. Поскольку членство в том крыле партии эсеров, которое сотрудничало с большевиками, могло помешать секретной деятельности, в конце 1920 года Семёнов инсценировал открытый конфликт со своей группой, после чего был исключён из партии.

Как пишет С. В. Журавлев, «в этот период Семёнов использовался командованием РККА на закордонной работе, в военных кругах белой эмиграции, строившей планы вооружённого свержения большевистской власти. Для советской разведки он оказался уникальным приобретением. Используя репутацию непримиримого врага большевиков и старые связи в среде эсеров и анархистов, Семёнов добывал ценнейшую информацию. Ему принадлежит заслуга в пресечении активной деятельности „Русского политического комитета“ и лично Бориса Савинкова, с которым Жорж был знаком с дореволюционных времён. В одном из донесений Семёнов сообщал: «Ввиду сложившихся у меня отношений с Савинковым, придавая некоторую важность его организации, я счёл необходимым ознакомиться с положением дел в ней. (Далее излагались подробности их личной встречи в Варшаве.)»

Авторитет у командира Центрального боевого отряда, организовавшего столь удачные акции против верхушки РКП(б), был огромен. Воодушевившись

обрисованными им возможностями, Савинков поручил Семёнову подготовку терактов против советских лидеров и даже выделил на эти цели крупную сумму, дал ему явку в Гельсингфорсе и познакомил с начальником 2-го отдела польского генштаба полковником Матушевичем. Семенов и его жена и коллега по разведработе Наталья Богданова, отправившаяся с ним на это задание, получили разрешение работать в варшавской пиротехнической школе, где занимались взрывными науками. Задача перед ними была поставлена чрезвычайно серьезная – ни много, ни мало, покушение на «нашу двойку», как писал в те годы Демьян Бедный, – Ленина и Троцкого. Этот теракт должен был парализовать деятельность правительства в момент всеобщего восстания, которое намечалось на 28 августа 1921 года. В этот день савинковские партизанские отряды под командованием Эльвенгрена, Эрдмана-Бирзе, Павловского, Данилова из Польши, Латвии и Эстонии должны были начать наступление, в ходе которого планировалось занять Псков, Полоцк, Витебск, Смоленск, а затем Петроград и Москву, где, как и в Одессе, должны были состояться эсеровские восстания. Обо всех этих грандиозных планах посвященный в них Семенов сообщал в Москву. Ознакомившись с его донесением, Дзержинский счёл его настолько важным, что передал Ленину с просьбой: «т. Ленину. После прочтения прошу мне вернуть. Дзержинский». Другим адресатом экземпляра донесения с такой же припиской стал Троцкий. Таким образом, главный организатор покушения на жизнь Ленина теперь защищал вождя революции.

Троцкий в справке для Верховного ревтрибунала 1 июля 1922 года так оценил работу Семенова: «1) Реввоенсовет Республики через соответственные свои органы счел возможным дать в свое время т. Семенову столь ответственное и рискованное задание только потому, что на основании всех тщательно собранных сведений пришел к выводу, что т. Семенов искренно порвал со своим антисоветским прошлым и в интересах обороны рабоче-крестьянской республики готов принять всякое, в том числе и самое трудное, ответственное и рискованное поручение. 2) Работа т. Семенова в Польше вполне отвечала заданию и свидетельствовала о личной добросовестности и преданности т. Семенова делу обороны республики. 3) Работа, выполнявшаяся Семеновым, имела военноконспиративный характер, требовала величайшей осторожности и находчивости и, разумеется, основывалась на введении в заблуждение врагов Советской России, в том числе и Савинкова, как одного из наиболее бесчестных и продажных агентов иностранного империализма. Отсюда совершенно ясно, что завязывание т. Семеновым контакта с Савинковым вполне вытекало из существа данного ему поручения и представляло собой военную хитрость, продиктованную интересами обороны революции (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С.209-210.).

А Семенов, успешно выполнив задание, в конце того же года, через

«Данцигский коридор» прибыл в Германию, а оттуда с помощью советской миссии – в Москву.

В январе 1921 года Григорий Семёнов, продолжавший работать по линии военной разведки, в секретном порядке без прохождения кандидатского стажа был принят в РКП(б) специальным решением Оргбюро ЦК. Это означало официальное прощение прошлого, в том числе участие в подготовке убийства Володарского и покушения на Ленина. Рекомендацию в партию ему дали старые знакомые: секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе, секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский и начальник Политического управления РВС Л. П. Серебряков. Одновременно его официально зачислили в штат Разведупра РККА. Семёнов стал готовиться к выполнению нового задания партии – нанесению решающего удара по недобитым эсерам. Он сел писать книгу «Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров в 1917-18 гг».

Брошюра была издана в феврале 1922 года, одновременно в Берлине и Москве, тиражом 20 тысяч экземпляров, а опубликована также в берлинской газете «Новый мир» и московской – «Известия». Насыщенная пристрастно подобранным фактическим материалом о деятельности социалистов-революционеров, она получилась убойная в самом прямом смысле – многие из упомянутых в ней люди вскоре сложили голову на эшафоте красного правосудия. Предварялась она письмом в ЦК РКП(б) от 5 декабря 1921 года, в котором Семёнов излагал мотивы написания книги: «разочарование в деятельности эсеров», приход к мысли «о необходимости открыть тёмные страницы прошлого п.с. – р», а так как эсеры представляют собой реальную силу, могущую «сыграть роковую роль при свержении Советской власти», то нужно их разоблачить перед лицом трудящихся. На переписанном варианте рукописи брошюры (в следственных делах по процессу) имеется датированный 3 декабря 1921 г. чернильный автограф: «Читал И. Сталин. Думаю, вопрос о печатании этого документа, формах его использования, и, также, о судьбе (дальнейшей) автора дневника должен быть обсужден на ПБ (Политбюро). И. Сталин» (Фейга Хаимовна Каплан // Фанни Каплан или кто стрелял в Ленина. Сборник документов. Казань, 1995. С.19.).

С момента выхода «Военной и боевой работы социалистов-революционеров» Семёнов полностью раскрылся как большевистский агент в эсеровском стане. В общем, обезопасился разведчик грамотно, придаться к заказному характеру книги формально было невозможно. Книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Естественно, она не способствовала установлению мира между вчерашними соседями по царским тюрьмам и сибирским ссылкам – вражда между большевиками и эсерами вспыхнула с еще большим ожесточением. Едины они были только в отношении к Семенову: автора возненавидели все разом, не только эсеры, но и большевики, которые, как вчерашние подпольщики, воспитанные на жёстких правилах конспирации и взаимовыручки, органически не принимали предательства.

Этим и объясняется столь нелестный отзыв Виктора Шкловского о Семёнове. Шкловский, которого экс-товарищ по партии также не обошёл своим вниманием, быстро сориентировался и сразу после публикации брошюры повторил известный подвиг Ленина – ушёл по льду Финского залива из Петрограда в Финляндию, благо граница в ту пору находилась под Сестрорецком. В письме родственнику от 22 марта 1922 года он, разгневанный, сообщил, что собирается писать книгу о 1918-1921 годах: «борьба с большевиками (подпольная) в противовес, что ли, брошюре Г. Семёнова». И написал. Книга называется «Сентиментальное путешествие», где Семёнов показан в самом незавидном ракурсе – впрочем, вряд ли справедливо, ибо гнев – плохой соавтор.

Естественно, столь ценного агента не стали бы раскрывать ради сомнительного удовольствия еще больше стравить большевиков и эсеров. Незадолго до выхода (но уже после написания) книги, 28 декабря 1921 года, пленум ЦК РКП(б), после доклада Дзержинского, постановил предать суду Верховного трибунала Центральный комитет партии эсеров, обвинив их в контрреволюционной деятельности, совершении террористических актов против Ленина, Володарского и Урицкого. Этот шаг необходимо было обосновать, и через месяц, 21 января 1922 года, Политбюро ЦК поручило заместителю председателя ГПУ И. С. Уншлихту принять меры, «чтобы известная ему рукопись вышла за границей не позже, чем через 2 недели».

Вскоре покаянные мемуары Семёнова были напечатаны в Берлине, а 28 февраля, сразу вслед за выходом книги, «Известия ВЦИК» опубликовали информацию о состоявшемся накануне заседании президиума ГПУ, на котором было решено предать открытому суду Верховного революционного трибунала арестованных лидеров социал-революционной партии. Там же было сказано: «ГПУ призывает гражданина Семёнова и всех с. – р., причастных к деяниям этой партии, но понявших её преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров».

Чекистское следствие над эсерами было завершено 21 марта. 23 марта на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в присутствии Каменева, Сталина, Троцкого, Молотова, Калинина, Цюрупы и Рыкова, по инициативе ГПУ (докладчик Уншлихт) рассматривался вопрос о подготовке процесса над эсерами. Было решено: «Назначить для фактического начала процесса с. – р. срок не позднее чем через месяц».

На том же заседании Политбюро по инициативе ГПУ обсуждался и вопрос о книге Семёнова. В ней «раскаявшийся» руководитель эсеровских боевиков приводил сенсационные подробности участия своей боевой группы в убийстве Володарского, покушении на Ленина и подготовке убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого. Но, поскольку Урицкого застрелил петроградский поэт Леонид Канегиссер, в партии эсеров не состоявший, Семёнов вынужден был ограничиться рассказом о слежке членов боевой группы за Урицким, а

также Зиновьевым и Троцким. Такая откровенная «сдача» бывших товарищей по партии была воспринята основной массой большевиков как действие аморальное. Для подготовки судебного процесса общественное мнение следовало откорректировать. Уншлихт огласил на заседании докладную записку следующего содержания:

«В связи с брошюрой тов. Семёнова для ряда товарищей, имеющих общее с ним прошлое, а теперь находящихся в наших рядах или работающих фактически как коммунисты, создалось совершенно невыносимое положение. Как в среде, близкой к с. – р., так и в обывательской среде, не способной понять всей глубины переживаний этих товарищей, отношение к ним неизбежно выливается в самой омерзительной форме. Для мещанской психологии они являются авантюристами, убийцами, взломщиками, „тёмными личностями“. Для психологии, связанной с с. – р. работой людей, и для самих с. – р. они к тому же ренегаты, предатели и провокаторы. Для ГПУ моральная чистота побуждений этих т.т. вне сомнения. ГПУ, учитывая невыносимую обстановку, создавшуюся в жизни товарищей, считает необходимым, чтобы в партийной среде они нашли бы полное понимание и нравственную поддержку. Между тем, благодаря слабой осведомлённости партийных масс, а также благодаря наличию в партии элементов с мещанской психологией, уже были случаи, когда вместо поддержки товарищей они встречали такое же отношение, как во враждебной нам или обывательской среде. ГПУ просит ЦК РКП издать специальный циркуляр, разъясняющий обязанности членов партии – выходцев из других партий в отношении борьбы с контрреволюцией, и дающий общие указания об отношении партии к роли Семёнова, Коноплёвой и др. ГПУ просит ЦК РКП применять в отношении мещански мыслящих элементов партии, проявляющих враждебное отношение к б. с. – р., решительные меры».

По данному вопросу Политбюро постановило: «1. Поручить Оргбюро составить циркуляр, согласно приложению т. Уншлихта; 2. Поручить т.т. Преображенскому и Ярославскому написать статьи относительно Семёнова. О характере и тоне статей переговорить с т. Троцким». Разъяснительная работа была проведена на должном уровне. А Семёнов тем временем готовился к процессу над эсерами, который начался 8 июня 1922 года. На суде «раскаявшиеся эсеры», давшие ценные свидетельские показания, были, в основном, сотрудниками военной разведки. Причём, связаны они были не только ведомственными и партийными, но и семейными узами! В своей книге Семёнов подробно рассказал о подготовке покушения на Ленина. «Особое значение я придавал в тот момент убийству Троцкого, считая, что это убийство, оставив большевистскую армию без руководителя, значительно подорвет военные силы большевиков... Покушение на Ленина я расценивал как крупный политический акт...».

Соратница Семёнова по Регистрационному отделу РВС Юго-Западного фронта Лидия Васильевна Коноплёва в прошлом состояла в Центральной

боевой группе ПСР. Ранее она вместе с Семеновым была в архангельской ссылке, затем они оба работали в Петроградском комитете ПСР. В 1920 году она находилась на подпольной работе в Крыму, и с 1921 года, после недолгой работы в Наркомпросе, вновь служила в Региструпре Штаба РККА. Семенов описал, как вместе с Коноплёвой отравлял ядом кураре пули, которыми стреляли в Ленина, на суде Коноплёва это подтвердила. На вопрос, почему же яд не подействовал, оба свидетеля ответили, что не знали о свойстве кураре терять свои качества при высокой температуре. Заключение эксперта, профессора химии Д. М. Щербачёва, о том, что высокая температура не разрушает подобные яды, не было принято во внимание, равно как и протесты ряда эсеров, заявивших о своём незнакомстве с Каплан и отрицавших её членство в их партии. Позже академик Б. В. Петровский, изучавший историю болезни Ленина, подтвердил: никаких отравленных пуль не было – кураре, даже в незначительной дозе, блокирует дыхательный центр; попади в кровь Ильича хоть малая частица яда, он скончался бы на месте. История с кураре сомнительна и, вполне возможно, придумана для усиления драматического эффекта. Впрочем, не стоит забывать, что покушение-то было непридуманным!

Вообще, касаясь покушения на Ленина, следует сказать, что в нем также участвовали левый эсер Александр Протопопов, участник событий 6 июля 1918 года, арестованный и расстрелянный сразу после покушения, и Василий Новиков, впоследствии неоднократно находившийся в заключении и во время своего последнего следствия в 1937-м сообщивший о своей встрече с Каплан в пересыльной тюрьме в 1932-м, что вызвало безрезультатное расследование.

Сам Семенов в момент операции находился в подмосковном поселке Томилино. На суде он, Коноплева, а также сотрудничавший со следствием бывший боевик Константин Усов сообщили о готовившемся покушении на Троцкого (Коноплева вместе с Каплан осматривала дорогу, по которой Троцкий ездил на дачу), и подтвердили, что это планировавшееся покушение, так же как и покушение на Ленина, санкционировали эсеровские руководители Абрам Гоц и Дмитрий Донской (те отрицали эти обвинения, но Донской признал факт встречи с Каплан, которую он, по его словам, пытался отговорить от покушения).

Бывший министр юстиции Бельгии Э. Вандервельде, защищавший эсеров на суде от имени Международного бюро II Интернационала, 25 июня 1922 года писал, что показания Семёнова и Коноплёвой носят такой характер, что «ни один нормальный суд не мог бы принять их во внимание» (не совсем понятно, почему – показания как показания, не считая, конечно, кураре). Так или иначе, все разоблачения Семёнова вошли в обвинительное заключение Верховного трибунала и подвели черту под жизнями их бывших соратников. Кстати, это же обвинительное заключение инкриминировало Семёнову организацию покушений на Володарского и Ленина, слежку за Зиновьевым и Троцким, а также экспроприацию денег на нужды эсеровской партии в разных

кооперативах. Верховный революционный трибунал в составе Г. Пятакова, О. Карклина и А. Галкина приговорил Семёнова и Коноплёву также к расстрелу. Но тут же счёл возможным освободить их от «всякого наказания, учитывая полное раскаяние в совершённых преступлениях». 8 августа 1922 года Президиум ВЦИК РСФСР подтвердил судебное решение. Впрочем, поскольку на процесс Семёнов и Коноплёва ходили не столько как на суд, сколько как на работу – без конвоя, с перерывом на обед и ночёвкой у себя дома – приговора они явно не опасались.

Процесс партии социалистов-революционеров стал в биографии Семёнова переломной точкой. На суде он познакомился с Н. И. Бухариным, выступавшим в качестве официального защитника группы раскаявшихся эсеров, и его женой Эсфирь Гурвич.

После процесса в жизни бывшего эсеровского боевика начался «мирный» период. Вместе с женой, тоже «раскаявшейся эсеркой» и сотрудницей Разведывательного управления штаба Красной Армии Натальей Богдановой, в прошлом сотрудницей секретариата ЦК ПСР, он был отправлен в бессрочный отпуск. По решению ЦК РКП(б) сентябрь и октябрь 1922 года они пробыли в крымском санатории «по причине усталости и переутомления». По возвращении супруги вселились в комнату № 418 в 1-м Доме Советов (гостинице «Националь»). В ноябре Учраспредотдел ЦК направил Семёнова на работу в Главэлектро ВСНХ на должность инспектора при начальнике Главэлектро А. З. Гольцмане. В должности инспектора Семёнов прослужил десять месяцев. В соответствии с мандатом, подписанным Гольцманом 25 ноября 1922 года, он был „уполномочен на всестороннее обследование... всех предприятий электропромышленности, электроснабжения и их руководящих органов“. Наделённый чрезвычайными инспекторскими полномочиями, Семёнов ездил по стране, добросовестно претворяя в жизнь ленинский план ГОЭЛРО.

Этот документ в то время был важнейшим направлением хозяйственной деятельности советского правительства. Этот план, разрабатываемый с 1918 года, даже называли «второй программой партии». Западными исследователями он был охарактеризован как гигантский по масштабам, монументальный по целям технический проект, символизировавший «исключительные амбиции» Советской власти. Амбиции амбициями, но сама логика технического прогресса выдвигала электропромышленность в число ключевых и наиболее перспективных отраслей и непременным условием промышленного подъема.

Знаменитые «лампочки Ильича», символ электрификации, на самом деле были американского и немецкого происхождения. Собственного производства ламп накаливания в РСФСР практически не существовало. Так, в 1920 году Советская Россия закупила за границей в 3 раза больше электроламп, чем было изготовлено в стране. Не говоря уже о том, что у нас производились лампы безнадежно устаревшей конструкции, с угольной нитью накаливания. Угольные

лампочки светили тускло и служили недолго. Это обстоятельство являлось предметом постоянных насмешек западной прессы: где уж Советам создать современное индустриальное общество, если они не умеют делать даже элементарные бытовые лампочки! Партийное руководство прекрасно понимало, что многочисленные электростанции и плотины будут совершенно ни к чему, если иностранные фирмы вдруг откажутся продавать лампы или вольфрамовую нить накаливания. Такая зависимость от «капиталистического» окружения могла стать роковой, да и влетала в копеечку: один только импорт вольфрамовой нити ежегодно обходился нищей республике в 250 тысяч золотых рублей. Технологию её изготовления крупнейшие производители – американский концерн General Electric и германские AEG и Osram – держали в тайне и отказывались продавать за любые деньги. Значит, технологию надо было получить иным способом – промышленным шпионажем которым не брезговали даже самые развитые промышленные державы.

7 сентября 1923 года в Главэлектро ВСНХ поступило распоряжение секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова: «Немедленно, сегодня же, откомандируйте т. Семёнова Г. И. в распоряжение ЦК РКП(б)». Снова потребовался его опыт разведчика, вдобавок разбирающегося в элетротехнике. Семёнов был вновь зачислен в штат Разведотдела Штаба РККА и занялся разработкой операции по получению и переправке из Германии в Москву информации по технологии вольфрамового производства. Операция проводилась совместно военной разведкой и чекистами, координировал её Феликс Эдмундович Дзержинский, а технические задания разведчикам давали руководители советской электропромышленности – уже упоминавшийся Абрам Гольцман, Константин Уханов (будущий председатель Моссовета) и Николай Булганин, будущий председатель Совета Министров СССР.

Разведка должна была найти и использовать для получения информации рабочих вольфрамовых цехов фирм AEG и Osram. В то время новым, но широко используемым направлением работы Иностранного отдела ОГПУ и агентурного отдела Разведупра РККА стало использование симпатизирующих коммунизму рядовых иностранных граждан. Вербовались они на идейной основе и работали, как правило, бесплатно, иной раз с немалым возмущением отказываясь от предложенного вознаграждения. Идеи коммунизма в то время были чрезвычайно популярны среди рабочего класса западных стран, а особенно в Германии.

Осенью 1923 года Семёнов прибыл в охваченную революционным брожением Германию. Проработав несколько лет в Европе, он знал французский и немецкий языки, обычаи рабочего населения Германии, что позволило ему легко вжиться в среду берлинского пролетариата. Военный отдел Компартии Германии рекомендовал для вербовки квалифицированных рабочих Юлиуса Хоффманна, трудившегося на AEG, и Эмиля Дайбеля – механика с Osram. Разведупр вышел на них через партийную разведку Коммунистической

партии Германии. Товарищи были проверенные, ветераны Первой мировой войны, твердые коммунисты. Семёнов с воодушевлением включился в любимое дело и вскоре тесно сошёлся с Дайбелем. Этого 40-летнего опытного механика он охарактеризовал в своём донесении как «авантюриста, способного на геройский подвиг, человека большой личной храбрости и решительности». Дайбель, в свою очередь, рекомендовал товарищу Жоржу (как на привычный французский манер представлялся Григорий Семёнов) других работников Osram. Слесарь-механик Франц Гайслер и токарь Вилли Кох состояли в нелегальной ячейке КПП, организованной на заводе параллельно с легальной. Всего через месяц эти новые связи весьма пригодились Семёнову, когда неудавшаяся революция октября 1923-го и последовавшие за нею репрессии против коммунистов вынудили Дайбеля и Хоффмана искать политического убежища в СССР.

После краткого периода смуты, Жорж Семёнов восстановил агентурные связи с Кохом и Гайслером, которые, будучи членами нелегальной ячейки, уцелели после массовых увольнений коммунистов. 28-летний Кох и 26-летний Гайслер уже привлекались к сбору материалов о вольфрамовом производстве, выполняя отдельные поручения руководителя заводской парторганизации Дайбеля. Теперь они стали работать всерьёз. Вилли Кох вспоминал, как в начале 1924 года его вызвали в райком КПП берлинского района Лихтенберг, где он состоял на партучёте. Секретарь Карл Ковальски, ссылаясь на Дайбеля, объяснил ему суть нового партийного задания и сказал Коху, «чтобы он всё, что касается вольфрамового производства, передавал через одного человека». Встречи с «одним человеком», представившимся необычным для немца именем Жорж, происходили сначала в помещении райкома партии, а затем в более располагающем для душевной беседы хорошем ресторане. Тут-то Семёнову и пригодилось электротехническое образование. Не вдаваясь в тонкости технологического процесса, он в общих чертах понимал его суть и знал, что спросить и о чем вести разговор. Уточнение же деталей происходило следующим образом: руководители вольфрамовой лаборатории московского кабельного завода формулировали специальные технические вопросы, вызывавшие у них затруднения в процессе исследовательской работы, и передавали их сотруднику Разведупра, затем задание дипломатической почтой пересылалось Семёнову, который знакомил с ним немецких рабочих Osram. Имея доступ к чертежам, образцам и другим секретам производства, те давали Жоржу нужную информацию. Получив таким путём сведения из Германии, советские специалисты двигались дальше в освоении протяжки вольфрамовой нити и прочих технологий, в том числе не только имеющих отношение к электротехнике. Так, в вольфрамовой лаборатории фирмы Osram велись опыты по получению принципиально новых типов сверхпрочных сплавов, изготавливавшихся невиданным доселе методом, позднее названным металлокерамическим. В 1923 году здесь впервые в мире был получен сплав

карбида вольфрама с кобальтом, внедрение которого в массовое производство под названием «видиа» произвело настоящую революцию в индустриальном производстве: резцы с такой напайкой обрабатывали деталь в 5-8 раз быстрее стальной! Вскоре тот же самый сплав под названием «победит» появился на советских заводах.

Разработка молибденовой и вольфрамовой технологий, производившаяся, в том числе, и с помощью разведки, открыло учёным Страны Советов дорогу к новейшим видам брони для кораблей, самолётов и танков – не говоря уж о том, что Московский электроламповый завод вскоре наладил выпуск электрических лампочек. Сам же Семёнов к середине 1924 года изрядно заскучал от кропотливой возни с технической информацией, да и недостаток специальных знаний все больше давал себя знать. Наладив связь и бесперебойную передачу разведанных, оперативный сотрудник Семенов, стал проситься на другую работу. На смену ему прислали высококвалифицированного инженера из вольфрамовой лаборатории кабельного завода, а Семёнова отозвали в Москву.

Его вернули на то же место работы. Ходатайствовало об этом Главэлектро, о чём сохранилось отношение в Учраспредотдел ЦК РКП(б) от 25 июля 1924 года за подписью Гольцмана: «Прошу откомандировать т. Семёнова Григория Ивановича, вернувшегося с заграничной командировки, обратно на ответственную работу Главэлектро ВСНХ». Решением ЦК партии 31 июля 1924 г. ходатайство было удовлетворено, и конец 1924 – начало 1925 годов прошли для Семенова в инспекторских поездках по ведомственным предприятиям. При этом он продолжал участвовать в переписке с немецкой агентурой, а весной 1925 года, вместе с проверенным товарищем Дайбелем, прибыл в Берлин, где встречался с рабочими завода Osram. Целью командировки было подобрать квалифицированных специалистов-вольфрамщиков для работы по контракту в СССР. Немецкие коммунисты с восторгом приняли предложение работать на благо страны Советов (не говоря уже о выгодных условиях индивидуальных договоров), и вскоре первая группа носителей ценной информации и обладателей уникальных навыков отбыла в Республику Советов. Вскоре отъезд немецких рабочих на работу в Советскую Россию обрёл характер налаженного потока. В советском торгпредстве в Берлине сотрудником представительства Главэлектро работал функционер КПП Фридрих Мюллер, организовывавший отъезд специально отобранных квалифицированных кадров. «Когда я ехал в СССР, то имел адрес Коха, кроме того, Фридрих Мюллер дал мне адрес Жоржа Семёнова, мы называли его тогда просто „Жоржем“, – вспоминал рабочий Ганс Ольрих. Механизм переброски был продуман коммунистами до мелочей. Так, Ольрих свой партбилет отдал в Берлине Фридриху Мюллеру, а по прибытии в Москву получил от своего заводского куратора документы и новый партийный билет. Опекаемые разведкой немцы образовали на предприятии целую общину иностранцев, исправно передавая знания и умения своей новой родине. К этому времени Гольцмана на посту руководителя Главэлектро ВСНХ сменил не кто

иной, как Лев Троцкий – такое значение придавалось в Советской России электроэнергетике.

В апреле 1925 года Семёнова назначили директором Московского авиационного завода № 12 «Радио» – важного предприятия радиотехнической промышленности, напрямую связанного с оборонным ведомством и также крайне зависящего от скорейшего решения вольфрамовой проблемы (нить накаливания применялась в радиолампах – необходимых деталях средств связи). В должности директора авиазавода он пробыл до 1927 года – года, судьбоносного во всех отношениях.

В 1927 году советские экономисты приступили к разработке первого пятилетнего плана, который должен был предусмотреть развитие всех районов и использование всех ресурсов для индустриализации страны. В первую пятилетку намечалось создать индустриальную базу – 1500 крупных предприятий. Рывок предполагалось сделать небывалый. Сталин по этому поводу заявил: «Задержать темпы – значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Главным источником средств, которые пошли на осуществление I-й пятилетки, были «внутренние накопления»: лес, нефть, золотой и алмазный запасы, произведения искусства и продовольствие. На вырученные средства закупили импортные станки, материалы и сельхозтехнику. Вторая пятилетка продолжила развитие индустриальной базы. Выполнение заданий периода 1933-1937 гг. превратило страну из аграрной в мощную индустриальную державу, экономически независимую от других стран. Коллективные хозяйства, объединявшие к 1934 году три четверти крестьянских дворов, позволили, при значительном уменьшении числа занятых в сельском хозяйстве, поддерживать производство пищевой продукции на уровне, не допускавшем длительного голода. Та же коллективизация предоставила в распоряжение города огромное количество рабочих рук. Одновременно с техническими и экономическими преобразованиями в верхушке Коммунистической партии в решающую фазу вступила борьба за власть. В 1927 году был полностью отстранен от власти, а в 1929 году выслан за границу Троцкий. Затем настала очередь Зиновьева и Каменева, а потом – Бухарина: «любимец партии» был расстрелян в марте 1938 года.

Семёнов не принадлежал к лагерю сторонников Сталина. Рекомендацию в партию ему дали Серебряков и Крестинский – заслуженные троцкисты, следовательно, он получался явным «протезе» Троцкого и «отмываться» от этой репутации не спешил. С Бухариным же его связывала не только дружба, но и отношения почти семейные. Знакомство с бывшей женой Бухарина Эсфирь Гурвич переросло в чувство более нежное, и Семёнов некоторое время жил в её доме, где периодически встречался с Бухариным, навещавшим свою дочь Светлану.

Пикантность ситуации ни в коей мере не сказалась на рабочих и товарищеских отношениях с «любимцем партии». «В 1927 г. при активной поддержке Бухарина я был назначен советником Военной Комиссии при ЦК Китайской компартии», – скажет Семёнов на следствии через десять лет.

В том же самом судьбоносном году его опыт и организаторские способности вновь понадобились военной разведке. Гоминьдан, китайская национальная партия, к 1927 году резко разошлась в своих позициях с СССР и Коминтерном. Некоторые горячие головы из числа дипломатов и коминтерновцев взяли курс на государственный переворот и строительство социализма в Китае. Инициативу поддержал Сталин. Для реализации этих планов на помощь Коммунистической партии, направили военных советников. А поскольку Коминтерном фактически руководил Бухарин, просьба заскучавшего на бумажной работе Семёнова о назначении на более «весёлую» службу была по-товарищески удовлетворена. 3 марта 1927 года на закрытом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по докладам Бухарина, Ворошилова и Карахана было принято постановление по предложениям Китайской комиссии Политбюро, 10-м пункт которого был сформулирован следующим образом: «Считать возможным командировать в Китай тов. Семёнова для работы в Военном отделе ЦК ККП» ((ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.2, ч.1. М., 1996. С.633.). В апреле Семенов был откомандирован в Китай, где он, под псевдонимом «товарищ Андрей», а также «Андрэ», развернул бурную деятельность. Энергия опытного боевика нашла выход в создании вооружённых сил КПК, готовивших свержение гоминьдановского режима. 26 мая Политбюро разрешило Киткомиссии: «из её средств ежемесячно отпускать т. Андрею 1000 ам.долларов для работы Военки». По тем временам, тысяча долларов была весьма приличными деньгами.

Семёнов, как он указал в письме к неустановленному адресату, скорее всего Берзину, занимался «дворцовым переворотом»: пытался вести работу в армии Чан Кай-ши, организовывал рабочие «пятерки» по типу эсеровских структур, вёл «ан-тиработу» – выпускал прокламации на английском и французском языках, собирал сведения об английских и французских войсках в Китае – «ВО должен знать все, что делается в лагере противника». И обо всем регулярно отправлял донесения в Центр. Радио для агентурной связи разведчиков с Центром тогда еще почти не использовалось, телеграф для этих целей был ненадёжен. Поэтому «Андрей» регулярно писал письма, в которых излагал обстановку и давал рекомендации начальству. В частности, предлагал послать советником в армию Фэн Юй-сяна бывшего начальника Разведотдела Штаба РККА и резидента в Харбине Арвида Зейбота. Но это предложение Семёнова начальство не приняло.

Восемь месяцев готовилась революция и, наконец, вспыхнула 11 декабря в Гуанчжоу (Кантоне), где у КПК была крепкая коммуна. Через два дня восстание рабочих и солдат жестоко подавили правительственные войска. Семенов

участвовал в кантонском восстании, от начала до самого конца, от решения ревкома о вы-ступлении до эвакуации из Кантона. Через месяц в своем докладе в Москве он привел ряд подробностей: «Потери во время захвата города исчисляются человек 20... Было несколько убитых при штурме полиции и несколько десятков убито при штурме 4-го корпуса... Во время второй части восстания...было убито около 200 человек. Потери коммунистов...около 150 человек... Потери противника трудно определить... Было расстреляно около 800 полицейских. Объезжая город, я видел повсюду трупы полицейских...было расстреляно около 600-700 человек китайских буржуев. Когда рабочим отрядам попадался толстый буржуй, то его немедленно расстреливали, и нужно отметить, что рабочие это делали с большим энтузиазмом. Во время захвата полков офицеры убивались на месте. После подавления восстания мне пришлось проезжать через весь город – это было жуткое зрелище. Повсюду валялись трупы...рабочих было убито около 3-4 тысяч... Рабочие революционных профсоюзов, в особенности Союза рикшей, убивались беспощадно...». Среди причин поражения «Андрей» назвал то, что «план восстания не был продуман до конца», а также не были своевременно захвачены ключевые пункты. И «очень большой ошибкой», по его словам, было назначение Е Тина, против чего он возражал (Там же. Т.3, ч.1. С.311, 313-314.).

До января 1928 года Семёнов, совместно с коминтерновскими товарищами, пытался выправить ситуацию. Но из этого ничего не вышло, поражение восстания было окончательным, в стране начались жестокие преследования коммунистов. Вернувшись в Москву, он выступил на расширенном заседании Президиума Исполкома Коминтерна с докладом о Кантонском восстании, в котором рассматривались причины поражения коммунистов. Наркоминдел Георгий Васильевич Чичерин своеобразно оценил китайскую деятельность «Андрея»-Семенова, назвав его в письме Сталину 20 июня 1929 года «механически пережевывающим мнимореволюционные формулы комсомольцем», наряду с коминтерновскими деятелями Виссарионом Ломинадзе, Лазарем Шацкиным и Павлом Мифом (Цит. по: Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С.392.).

Однако другие руководящие товарищи деятельность Семёнова в качестве военного советника оценили иначе. После возвращения из Китая его перевели в центральный аппарат Разведупра РККА и вскоре назначили на должность помощника начальника 2-го (агентурного) отдела Б. Б. Бортновского. В Управлении он проработал до мая 1929 года. В апреле 1929 года состоялась XVI партконференция, на которой было принято решение о второй чистке партии. Первая состоялась в 1921 году, но тогда Семёнов под неё не попал. Теперь же, поскольку он был замечен в числе активных сторонников правой оппозиции, партиячка Разведупра исключила его из рядов ВКП(б). В мае его уволили. Несколько месяцев Семёнов вёл непрерывную борьбу за восстановление в партии, безуспешно апеллируя в районную контрольную комиссию, во

Фрунзенский райком и, наконец, к парттройке МКК ВКП(б). Только эта последняя инстанция, учтя его прежние заслуги и выслушав 5 сентября 1929 обязательство «в практической работе проводить линию партии», приняла решение ограничиться строгим выговором с предупреждением.

Разведка, равно как и другая серьезная работа, теперь для Семенова была недоступна. И тогда он, в поисках дела, где мог в полной мере проявить себя, снова нашел себе «горячую точку»: пошёл в ЦК и попросился на колхозную работу. Не он один сделал этот выбор – призыв партийцев на колхозную работу насчитывал 25 тысяч человек. По направлению Колхозцентра он попал в Хопёрский округ Нижне-Волжского края, где был назначен председателем крупного колхоза «Краснознаменец», состоявшего примерно из тысячи хозяйств и располагавшего 24 тысячами гектаров земли.

Осень 1929-го была временем начала сплошной коллективизации. Колхоз «Краснознаменец» был уже собран. В декабре Сталин объявил о конце НЭПа и переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Всю зиму активисты колхозного строительства изо всех сил ликвидировали кулачество, а кулачество, как могло, ликвидировало активистов и сельское хозяйство как таковое. К весне стало ясно, что дело движется к полной катастрофе сельского хозяйства, и 2 марта 1930 года в «Правде» была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», где резко критиковались «перегибы на местах». На партконференции Хопёрского округа Семенов выступил с критикой политики партии в области коллективизации, но, развивая выводы Сталина, зашёл слишком далеко. Его выступление было вновь квалифицировано как правый уклон, после чего, к лету, Семёнова сняли с председательской должности. 25 ноября того же года Михайловская районная контрольная комиссия исключила его из партии за правооппортунистические взгляды, но уже через 5 дней (!) ЦКК ВКП(б) восстановила его в рядах большевиков.

Начинался «великий перелом». Троцкого уже выслали из страны, а Бухарина уволили с поста редактора «Правды» и вывели из состава Политбюро. Не повезло и всем их друзьям, в том числе и Семенову. Одно время он работал начальником строительства Болшевского механического и чугунолитейного завода под Москвой, затем начальником авторемонтных мастерских ВОГФа (Всесоюзного объединения гражданского воздушного флота, которым до своей гибели в авиакатастрофе в 1933 г. руководил бывший начальник Семенова по Главэлектро Гольцман). По словам биографа Семенова С. В. Журавлева, «отовсюду его „вычищали“ – слишком богатая биография вкупе с разрисованным выговорами партийной учетной карточкой рождала в коллективе настороженное отношение». После того, как по инициативе секретаря Краснопресненского райкома партии Никиты Сергеевича Хрущёва Семёнова уволили из ВОГФа, он попросился на прежнее место в Главэлектро. Однако и оттуда вскоре был уволен – всплыла работа под начальством Троцкого в Главэлектро и рекомендации троцкистов Крестинского и Серебрякова, данные

ему для вступления в партию.

В 1933 году Семёнов покидает столицу и уезжает в Ленинград, на должность начальника отдела рабочего каппроительства машиностроительного завода им. Ворошилова. Здесь к нему отнеслись помягче. В сентябре 1933 года Семёнов успешно проходит очередную партийную чистку, хотя и со скрипом – товарищи по партии задали ему 52 вопроса!

В Ленинграде ему удаётся спокойно проработать полтора года, до 1 декабря 1934 года, когда первого секретаря Ленинградского обкома С. М. Кирова убили в Смольном прямо у дверей кабинета. Одним из следствий убийства стала чистка всей ленинградской парторганизации. 1 февраля 1935 года заводской партком в третий раз исключает Семёнова из рядов ВКП(б). Опальный коммунист снова берётся за привычное дело – подаёт апелляцию и 22 февраля 1935 года на заседании бюро Володарского райкома Семёнова восстанавливают в партии.

Понимая, что за чистку партии взялись всерьёз и теперь его едва ли оставят в покое, Семёнов предпринимает отважный шаг. В марте он едет в Москву и пробует вернуться в разведку: явившись в Разведупр, предлагает свои услуги в любом рискованном мероприятии. Лучше война, с её ясными и привычными законами, чем полная непредсказуемых нюансов и потому смертельно опасная для человека с его биографией мирная жизнь. Семёнов пришёл не с пустыми руками, у него была идея. Он «вызвался возглавить группу инструкторов-специалистов по всем областям военного искусства и техники и перебросить её на самолётах или на верблюдах через пустыню Гоби на помощь Китайской Красной армии». В апреле 1935 года его в очередной раз зачисляют в штат Разведупра, и он приступает к подготовке экспедиции через пустыню Гоби. В качестве помощника Семенов привлекает старого приятеля, закалённого в уличных боях и проверенного на разведработе Эмиля Дайбеля, который тоже работает в военной разведке.

Однако экспедиция не состоялась. В ноябре Семёнову присваивают звание бригадного комиссара и посылают в Монголию с более частным заданием – «для налаживания связи с Китайской Красной армией и проверки маршрута». Он должен был «организовать переброску 6 китайских товарищей через Монголию в Китай», что и сделал, но затем расконспирировал себя, и в мае 1936 года его отозвали в Москву. Между тем в Разведупре РККА решался вопрос о дальнейшей судьбе 21 сотрудника, которые в прошлом являлись «участниками оппозиционных группировок». По поводу бригадного комиссара Г. И. Семенова «принято решение оставить в Управлении для специальной работы» (РГВА, ф.9, оп.29, д.327, л.5.).

Его ждало новое задание. В июле 1936 года в Испании генерал Франко возглавил фашистский мятеж против республиканского правительства. Помощь ему оказали фашистская Италия и национал-социалистическая Германия. 4 октября СССР открыто заявил о своей поддержке Испанской республики. В

Испанию направили советскую военную технику, 2 тысячи советников, а также большое число военных специалистов. В ноябре подучивший испанский язык Семёнов выехал в Париж, а оттуда в Барселону (в том же месяце Комиссия партконтроля при ЦК партии, по ходатайству парторганизации Разведупра РККА, сняла с него все партийные взыскания, кроме выговора 1929 года).

Снова были востребованы умения бывшего эсеровского боевика в области индивидуального террора. Семёнову надлежало «пробраться в тыл мятежников и ликвидировать некоторых руководителей фашистского движения». С аналогичным заданием в Испанию была направлена сотрудница Разведупра Элли Бронина, жена арестованного в 1935 году в Шанхае резидента военной разведки Якова Бронина. А по линии внешней разведки, с помощью диверсантов-интербригадовцев и будущего знаменитого советского разведчика Кима Филби (бывшего в то время корреспондентом английских газет при штабе франкистов), такое покушение готовил представитель НКВД в Испании Александр Орлов-Никольский. Одним из руководителей разведывательно-диверсионной деятельности в Испании по линии военной разведки был бригадный комиссар Х. И. Салнынь, нелегальный резидент в Китае в 1926-1929 годах.

Опытный боевик и организатор покушения на Ленина, казалось, вот-вот нанесет решающий удар... но вместо этого «товарищ Андрей», осмотревшись на месте, начал с развёртывания широкого партизанского движения в тылу врага. Семёнов полагал, что массовая диверсионная деятельность принесёт в будущем больше пользы и, одновременно, создаст необходимые кадры для терактов против членов правительства. Позже, во время Великой Отечественной войны, такая тактика принесла богатые плоды, но в 1936 году в Москве ждали иного. Полагали, что Семенов организует что-то наподобие своего Центрального боевого отряда для индивидуального террора, и работу по организации партизанских отрядов расценили как самоуправство. В Испании он проработал всего три месяца. За это время его помощник, возглавлявший проведение диверсий, вместе с несколькими испанскими боевиками взорвал 5 вражеских поездов, но на последней операции погиб. В конце января 1937 года Семёнова отозвали в Москву, как он думал, для расследования обстоятельств гибели помощника. 11 февраля, прямо на перроне вокзала, его арестовали сотрудники НКВД.

Семёнов был обвинён в участии в «контрреволюционной организации правых». При обыске на его квартире изъяли большое количество писем и фотографий, две из которых доказывали несомненную близость с «лидером правых»: Семёнов с Бухариным были сфотографированы вместе. Всплыла и связь с Эсфирь Гурвич, а также то, что Бухарин защищал Семёнова на процессе правых эсеров в 1922 году. Сам же Николай Иванович ещё в заявлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года писал, что пример с Семёновым

неудачен. Ведь «Семёнов фактически выдал советской власти и партии боевые эсеровские группы. У всех эсеров, оставшихся эсерами, он считался „большевицким провокатором“. Роль разоблачителя он играл и на суде против эсеров. Его эсеры ненавидели и сторонились его как чумы». Бухарин подчёркивал, что в 1922 году защищал Семёнова «по постановлению ЦК партии. Партия наша считала, что Семёнов оказал ей большие услуги, приняла его в число своих членов» (Вопросы истории. 1992. № 2-3. С.27-28.).

Все эти доводы оказались бесполезны. Ефим Цетлин, бывший первый секретарь ЦК РКСМ и секретарь Бухарина, 14 декабря 1936 года дал показания о том, что в начале 1930-х Бухарин дал Семёнову задание подобрать людей из числа бывших эсеров-боевиков и организовать покушение на Сталина и других руководителей государства. Эти показания стали основанием для ареста.

Первый допрос Семёнова состоялся 23 февраля 1937 года. Он подробно и откровенно рассказал о всех фактах своей непростой биографии. Относительно де-ятельности в Центральной боевой организации ЦК ПСР Семёнов подтвердил, что «при его непосредственном участии и руководстве» в 1918 году был убит Володарский и ранен Ленин. Он признал, что действительно разделял идеи правых, но отрицал участие в контрреволюционной организации: «Я привык нести ответственность за свои действия, за свои поступки. Пусть меня моя социалистическая страна судит и воздаст должное за мои преступления». Вины за собой он не видел. И на последующих допросах он также продолжал её отрицать.

4 июня 1937 года Семёнову устроили очную ставку с другим партийным реликтом – «раскаявшимся боевиком» Константином Усовым, бывшим соратником по боевой организации 1918 года. Усов заявил, что является членом боевой организации правых, а Семёнов – её руководитель, готовивший покушения на Сталина и членов правительства. Этого наш герой уже не выдержал. «В ответ на признание Усова Семёнов разразился грубой площадной бранью, начал оскорблять следователей». Смысл сказанного Семёновым в форме непечатных ругательств, следователь записал так «Вы Усова замучили угрозами, смотрите, на кого он похож, и поэтому даёт показания». После этого Семёнов отказался отвечать на вопросы, и очная ставка была прервана.

В течение последовавших 10 дней, в качестве наказания за оскорбление следователей, арестованный перенес 5 суток карцера. Одновременно к нему применили физические и психологические методы воздействия, то есть, попросту говоря, пытки. Вскоре та же участь постигнет и самих палачей: в феврале 1939 года сотрудник 4 отдела ГУГБ НКВД М. Л. Гатов, который вёл дело Семёнова, будет осуждён за фальсификацию следственных дел, а в 1956 году, в ходе дополнительного расследования откроются новые вопиющие факты применения им незаконных методов ведения следствия. 22 августа 1961 года Семёнова реабилитируют.

Но все это будет потом, а в июне 1937 г. его железную волю сломали

самыми безжалостными методами. 15 июня он написал заявление на имя наркома НКВД Н. И. Ежова, которое начиналось словами: «В течение 4-х месяцев я упорно отрицал своё участие в организованной контрреволюционной террористической деятельности». Он обещал «во всём признаться», и признался – протоколы допросов от 26 июня и 4 июля содержали в себе обилие фактов и имён, едва прикрытых завесой правдоподобия. 15 июля комиссия партконтроля при ЦК ВКП(б) исключила его из партии как контрреволюционера.

7 октября 1937 года Семёнов получил копию обвинительного заключения, в котором ему инкриминировалось сразу несколько статей УК РСФСР. На следующий день его дело слушалось на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В. Ульриха. Заседание длилось всего полчаса – с 20.45 до 21.15. После оглашения обвинительного заключения Семёнов встал и заявил, что «виновным себя не признаёт... что показания на предварительном следствии дал ложные». Он уточнил, однако, что за собой признаёт только следующее: «В своё время я был руководителем боевой организации при ЦК ПСР и организовал покушение на убийство Ленина и, кроме того, организовал убийство Володарского». (Как отмечает С. В. Журавлев, «трудно представить, чтобы, отказываясь от ложных показаний, „выбитых“ из него на предварительном следствии, Семенов мог наговаривать на себя относительно роли организатора покушения на Ленина... Можно считать окончательно установленным, что убийство Володарского и покушение на Ленина в 1918 г. ... были подготовлены именно группой эсеров-боевиков во главе с Семеновым. Это означает, что все остальные существующие версии, в том числе и о мистификации или инсценировке покушения самими большевиками с целью оправдания „красного террора“, следует признать несостоятельными»). Но это ему в вину как раз и не поставили, ограничившись обвинением в преступлениях против нынешних руководителей партии и государства. Тут же зачитали вердикт коллегии – высшая мера наказания. В тот же день Семёнов Григорий Иванович был расстрелян.

Удалось найти дополнительную информацию о воскресшем Григории Ивановиче.

Объяснение этого я предоставляю фантазии читателя.

Семенов Григорий Иванович (пс.: Васильев, Андрей, Андрэ). 29.11.1891, г. Юрьев — 08.10.1937, г. Москва.

Русский. Из служащих. Бригадный комиссар (23.11.1935). В РККА с 1919. Член партии анархистов-коммунистов (1906-1912), партии эсеров (1912-1921), РКП(б) с 1921. Получил домашнее образование. Владел французским и немецким языками. Участник революционного движения с 1905. Арестован (1907) и после 10 месяцев заключения выслан из Прибалтийского края. Военный атташе при полпредстве СССР в Италии (апрель 1928 — апрель 1929), затем в распоряжении РУ штаба РККА (июнь — август 1929).

Заместитель начальника, начальник Главной инспекции, заместитель

начальника Главного управления (август 1929 — июль 1934) Гражданского воздушного флота — ГВФ, начальник Аэрографического института ГВФ (декабрь 1935 — ноябрь 1936). Участник Великой Отечественной войны на Ленинградском фронте.

Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918-1945 гг. М., 2012, с. 697.

Напомню, что по документам представленным выше, 8.10.1937 г Семёнов Григорий Иванович был расстрелян. И вдруг - участник ВОВ 1941-45 гг.